

Литературный Азербайджан.- 2018.- №3

АКРАМ ГАФЛАНОВЛУ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ Повесть*

Перевод Еганы МУСТАФАЕВОЙ

После вчерашнего события я никак не мог заснуть. Было еще темно. Я вышел на балкон и огляделся по сторонам, все вокруг мне казалось унылым и серым. Дома, построенные еще в советские времена и утыканные телевизионными антеннами, были уродливы и однообразны. Хорошо еще, что вдаль виднелся кусочек Каспийского моря, созерцание которого приносило душе умиротворение и покой.

...До самого утра не сомкнув глаз, я так и встретил раннее утро.

...Я учился в Анкаре, в медицинском университете. По окончании лечебного факультета университета меня зачислили в докторантуру, и через полгода-год я должен был стать хирургом. Временами я принимал участие в различных операциях, а также ездил на научно-практические конференции за границу.

Однажды я приехал на несколько дней в Баку, чтобы навестить родителей. Дома я бывал нечасто и проводил время в основном с друзьями.

Мама была весьма недовольна этим и ворчала:

– Сынок, ты бы сегодня остался дома, ведь отец тоже хочет пообщаться с тобой, поговорить ...

Говоря по правде, при каждом удобном случае мама твердила мне и о женитьбе. Чтобы как-то отделаться от ее навязчивых приставаний, я дал ей слово, что обязательно женюсь, как только закончу университет. Затем пообещал жениться после окончания докторантуры...

– Не оставляй это дело на потом, – в очередной раз раздраженным тоном сказала мне мама. – Женись, сынок, и тогда мы с отцом сможем спокойно умереть.

Я решил отшутиться и с совершенно серьезным выражением на лице ответил:

– Нет, мама, я никогда не женюсь.

Мать, конечно же, не ожидала от меня таких слов. Ведь когда возникал вопрос о женитьбе, я всегда давал ей надежду, что женюсь обязательно. Приняв мои слова всерьез, она обиженно сказала:

– Видимо, твоя учеба свела тебя с ума. Думай, что говоришь.

Я крепко обнял ее и поцеловал в щеку.

– Любимая моя мамочка, – сказал я ей. – Ты же говоришь, что когда я женюсь, вы спокойно сможете умереть. Потому я и не женюсь, чтобы вы жили долго-долго.

Только сейчас мать поняла мою шутку.

– Дурачок, – улыбнулась она, слегка ткнув меня кулаком в спину.

... Большую часть времени я проводил со своим другом Фаридом, с которым когда-то учился в одном лицее и который работал в одной из частных клиник города.

Однажды он, смеясь, спросил меня:

* Повесть получила премию Министерства культуры и туризма «Золотое перо» и основана на реальных событиях (Ред.).

– Азер, когда же ты, наконец, женишься? Оглянись вокруг... – видимо, он имел в виду девушек, работающих вместе с ним в клинике.

Я сразу же понял, откуда дует ветер.

– Фарид, вижу, моя мама дала тебе четкие инструкции. Предположим, что я сегодня женюсь, и что...

– Не морочь мне голову. Все знают, что ты любишь подшучивать над людьми.

– Спасибо! У меня есть один жизненный принцип: девушка, на которой я женюсь, должна всегда быть рядом со мной. Я не женюсь, пока не закончу учебу, потому что не смогу оставить жену на попечение родителей, а сам продолжать обучение в другой стране. Мне осталось учиться еще полгода-год, а там посмотрим.

... Стоя на балконе и глядя на море, я вспоминал наш разговор с Фаридом.

... Расставшись с ним, я купил газету и спустился в метро. В Турции читать газеты у меня не было времени, и поэтому в Баку я всегда старался восполнить этот пробел...

...С противоположного сиденья кто-то протягивал мне газетную страницу. Я был так увлечен чтением, что даже не заметил, как она выпала у меня из рук на пол. Не глядя, я в знак благодарности кивнул, но внезапно какая-то неведомая сила заставила меня поднять голову. Напротив сидела молодая красивая девушка с прекрасными зелеными глазами и, удивленно глядя на меня, протягивала выпавшую страницу. От волнения я уронил на пол газету. Нагнувшись, мы стали одновременно собирать страницы с пола. Моя рука нечаянно коснулась ее руки, и по телу пробежала приятная дрожь. Волнуясь, я с трудом отвел от нее глаза. Некоторые пассажиры смотрели на нас с доброй улыбкой. Я вновь взглянул на девушку. Наши глаза снова встретились, и она покраснела.

...Я очнулся, когда объявили станцию метро «Нефтчиляр», и девушка поспешно покинула вагон. Я решил последовать за ней, вернее, побежать, но когда бросился к выходу, двери вагона закрылись прямо перед моим носом. Я вновь сел на место. Мне казалось, что все пассажиры смотрят на меня.

– Сынок, ты опоздал, – сказал мне пожилой мужчина, сидевший рядом. – Чутье мне подсказывает, что ты еще не женат. Так вот, я часто езжу на бульвар, чтобы пообщаться со своими друзьями, поиграть в нарды. И, возвращаясь домой, часто встречаю в метро эту девушку. Она всегда скромно сидит в уголке и читает книгу. Если ты и вправду не женат, не упускай ее.

Внимательно слушая старика, я не заметил, как пропустил станцию «Халглар Достлугу», зато узнал, примерно в какое время девушка садится в вагон.

...И сейчас, сидя на балконе и глядя на море, я вспоминал прекрасные зеленые глаза девушки. В университете, где я учился, и в клинике, в которой работал дежурным врачом, было немало красивых девушек. Многие из них открыто намекали мне, что были бы не прочь выйти за меня замуж. Я относился к ним с большим уважением, но о женитьбе тогда и не думал.

... Всю ночь я не спал и думал о том, как могло случиться, что один-единственный взгляд прекрасной незнакомки мог лишить меня сна и покоя. Может, ко мне пришла настоящая любовь? Я был в полном смятении и никак не мог справиться со своими чувствами. Я должен был во что бы то ни стало найти ее.

– Доброе утро, сынок! Что ты встал так рано?! – послышался мамин голос. Выйдя на балкон, она огляделась вокруг. Затем, повернувшись ко мне, сказала: – А я вдруг было подумала, что ты присмотрел здесь себе девушку. Однако все балконы пусты...

– Мама, я влюбился!!! – вдруг воскликнул я. – И это не история любви Лейли и Меджнуна, моя любовь не легенда, это настоящая земная любовь...

– Да буду я твой жертвой, сынок! – громко воскликнула мать, нарушив царящую вокруг тишину.

Я сразу же понял, что совершил ошибку. Знал, что мама не успокоится и будет весь

день расспрашивать меня о девушке: кто такая, откуда, чем занимается?

– Я сказал, а ты поверила, – рассмеялся я. – Вы столько твердите мне о женитьбе, что каждую ночь во сне я превращаюсь то в Меджнуна, то в Отелло, то в ашыга Гариба. Дорогая мама, как говорят в фильме «Деде Горгуд»: «Еще немного, и я вас обрадую».

Мать не дала мне договорить:

– Замолчи! Скоро во сне ты будешь видеть Мешади Ибада и женишься лишь в 50 лет.

– Мама, – сказал я, пытаюсь подлизаться к ней. – Великий Узеир Гаджибеков, пересмотрев в пятьдесят лет свой спектакль «Не та, так эта», очень расстроился. И когда его спросили, почему он так огорчен, Узеир-бек ответил, что «настоящими мужчинами становятся только в 50 лет», так что не клеветчи на Мешади Ибада, мама.

– Я же говорю, что ты свихнулся от своей учебы. Теперь жди, когда тебе исполнится 50 лет, и тогда, может быть, ты женишься.

Я обнял мать и поцеловал ее в щеку.

– Мамочка, – сказал я ей. – Когда ты сердисься, я люблю тебя еще больше!

На лице мамы засияла улыбка.

– До тебя не достучаться, – сказала она. – Иди в комнату, я заварила свежий чай.

Попивая чай, я поминутно смотрел на часы. Мне казалось, будто кто-то невидимый держит стрелки часов и не дает им двигаться вперед.

Приближалось назначенное время, и меня вдруг охватило непреодолимое волнение. «Может, это просто мимолетное увлечение, и оно пройдет?» – подумал я. Но какая-то неведомая сила вновь понесла меня навстречу судьбе. Я не помнил, как оказался в метро, не помнил, с кем разговаривал и что делал. Стоя у колонны, я с нетерпением ожидал прибывающие поезда. Я пропустил несколько поездов, но девушки там не было. «Может, старик подшутил надо мной? Нет, такого не может быть». Вдруг откуда-то мне послышался голос старика: «Жди, сынок, жди! Она скоро появится!».

Из туннеля показался очередной поезд. И вот судьба улыбнулась мне. Наконец-то появилась она. Я притаился за колонной. Девушка прошла мимо, скромно опустив голову, и я пошел следом за ней на улицу. Я не знал, что мне теперь делать... Как подойти к ней, справа или слева? Может, преградить ей дорогу? Но что потом? Поздороваться с ней и рассказать о том, что со вчерашнего дня я потерял покой и сон? «Э, ты взрослый мужчина, – тут же упрекнул я себя. – Среди других заливаешься соловьем, хвастаешься перед друзьями, что сможешь заполучить любую девушку. И что теперь случилось с тобой?.. Дрожишь, как осиновый лист». Я продолжал вести с самим собой внутренний диалог, никак не осмеливаясь подойти к девушке. Мои ноги словно налились свинцом. И снова мне послышался голос старика: «Подойди к ней и спроси, как пройти на почту». Наконец, с трудом взяв себя в руки, я подошел к ней.

– Девушка, – сказал я чуть дрожащим голосом, не справляясь со своим волнением.

– Вы не подскажете, где находится почта?

– Вы прошли мимо этого места, – ответила она, не поднимая глаз. – Почта находится вот под тем девятиэтажным домом.

«Девушка, будь милосердной, подними голову», – умолял ее мой внутренний голос.

– О каком девятиэтажном доме вы говорите, который находится справа или слева? – наконец осмелел я.

Она хотела было уйти, но, остановившись, указала мне рукой на здание. Я стоял, как вкопанный, и смотрел только на нее, ничего не замечая вокруг. Мне казалось, что небо слилось с землей, и все вокруг исчезло...

Когда она указывала своим пальчиком на здание, наши взгляды встретились. Девушка сразу узнала меня и тут же покраснела. Сам того не зная, я стоял перед ней с жалким видом, вжав голову в плечи. Опустив руку, она быстро стала удаляться. Растерявшись, я не знал, что делать дальше. Наконец, с трудом оторвав свои, словно пригвожденные к

асфальту ноги, я пошел следом за ней. Свернув в переулок, она вошла во двор пятиэтажного здания...

Говорят, что судьба человека записана на неких божественных скрижалях, что наша жизнь от колыбели до могилы predetermined заранее. Выходит, что вся моя дальнейшая судьба уже записана на этих таинственных скрижалях. Что же будет дальше? Улыбнется ли мне судьба или всю свою жизнь мне придется жалеть о несостоявшейся первой любви?.. Во что бы то ни стало я должен познакомиться с ней, найти путь к ее сердцу, преодолев любые препятствия и трудности ...

Я не помню, как дошел до своего дома. Дверь открыла мама. Даже не поздоровавшись, я прошел в свою комнату. Через несколько минут ко мне вошла мама.

– Может, ты все-таки со мной здороваешься? – сказала она тревожно.

Меня прошиб стыдливый пот. Она смерила меня внимательным взглядом.

– Что случилось, сынок? – спросила она. – Почему ты такой бледный?

– Извини, мама, – ответил я. – Ничего экстраординарного, просто я поднимался домой не на лифте, а пешком.

– Сынок, ты не боишься, что лифт на тебя обидится? – пошутила мама. – А теперь иди умойся, а затем приходи на кухню, я приготовила отличный *düşrəgə*.

Я ел неохотно, и это не ускользнуло от взора матери.

– Сынок, видимо, тебе мой *düşrəgə* не нравится. Раньше ты ел его с большим удовольствием, а теперь так неохотно, даже в тарелку не смотришь. Сынок, почему ты выглядишь таким усталым? Твой вид мне совсем не нравится...

Материнское сердце не обманешь. Оно все чувствует. Еще с детских лет я делился своими проблемами с матерью, но сейчас был не готов рассказать ей обо всем.

Что мне теперь делать? Как встретиться с девушкой? Может, зайти к ней во двор и подождать, пока она выйдет из дома? Может, может... Все эти бесконечные «может» никак не отставали от меня. Ночью я почти не спал. Несколько раз выходил на балкон и глядел на тот кусочек моря. И это меня успокаивало...

... Было 7.30 утра, когда я добрался до ее дома. Притаившись в укромном месте, я стал ждать ее появления. Сегодня я должен заговорить с ней и обо всем узнать ...

И вот появилась она. Не обращая ни на кого внимания, она шла, опустив голову и глядя себе под ноги, будто боялась растоптать ползающих под ногами насекомых. Я шел следом за ней, и в метро мы вошли почти вместе. У турникета образовалась небольшая очередь, и, проходя следом за ней, я невольно коснулся ее руки. Меня словно ударило током.

В вагоне, куда мы вошли, не было свободных мест. Мы стояли почти рядом, нас разделяла только женщина, стоявшая между нами. Когда поезд вошел в туннель, я, как замороженный, стал разглядывать ее отражение в окне. Пришел в себя я только тогда, когда прозвучала мелодия из песни «Тələбә». Объявили станцию метро «Элмляр Академиясы», и пассажиры, выйдя из вагонов, сплошным потоком понеслись к эскалатору.

Девушка, прижав к груди книги, направилась в сторону университета. «Значит, она учится в Бакинском государственном университете», – заключил я. Она вошла в один из корпусов, я юркнул следом. У лифта образовалась небольшая очередь, и мы поднялись на четвертый этаж по лестнице. Ни на кого не глядя, она быстро прошла в аудиторию и села рядом с однокурсницей.

Вот и с этим делом я успешно справился. Теперь осталось только разузнать о ней как можно больше. «Может, зайти к декану факультета и расспросить о ней у него самого?» – подумал было я, но затем отказался от этой мысли. Тогда я решил поговорить со старостой группы и попросил одного из студентов позвать его.

Через несколько минут ко мне подошел молодой человек.

– Фарман, – представился он. – Я староста группы.

– Очень приятно! Меня зовут Азер.

Взяв Фармана под руку, я подвел его к открытой аудитории и указал на интересующую меня девушку.

– Друг, – сказал я ему. – Я хочу, чтобы ты помог мне в одном важном деле. Я учусь в Анкаре, в медицинском университете, и хочу знать все о той девушке. Прошу тебя, расскажи мне все, что ты знаешь о ней. Есть ли у нее жених, или она одинока?..

Сощурился глазами, Фарман пристально посмотрел на меня. «Наверное, пытается понять, бездельник я или нет?» – подумал я.

– Хорошо, брат, я расскажу тебе все, что знаю. Но об этом никто не должен знать. Ко мне часто подходят молодые люди, пытаются разузнать о ней побольше. На самом деле она пока одинока, и жизнь у нее, так сказать, далеко не сахар. Я никому не рассказывал о ней. По правде говоря, боялся...

– И какие у нее проблемы? – у меня похолодело сердце.

– Азер, могу с полной уверенностью сказать, что таких девушек, как Тути Бикия, днем с огнем не сыщешь...

– Прошу тебя, дорогой друг, расскажи мне все, что знаешь, – перебил его я.

– Ее зовут Тути Бикия. У нее есть мать и полусумасшедший брат. Начиная с первого курса, он ежедневно встречал ее после занятий и провожал до дома. Хотя, безусловно, это неплохо, когда брат не пускает красавицу-сестру одну на улицу. Но вот уже два года, как он здесь не появляется. Еще в начале первого курса он подошел ко мне и пригрозил, что если кто-нибудь из ребят заденет его сестру, он непременно его убьет. Проворный, как обезьяна, и сильный, как лев, он несколько раз дрался из-за сестры с ребятами из университета. Узнав об этом, руководство приказало охране не пропускать его во двор университета. Мама Тути Бикия – очень хорошая и интеллигентная женщина. Однажды она даже просила за сына у ректора университета, иначе его посадили бы за решетку. Из-за этого психа к Тути Бикия многие боятся подойти. Не знаю, правда это или нет, но говорят, что сейчас ее брат находится в тюрьме...

Поблагодарив Фармана за информацию и прихватив с собой график занятий, я покинул университет. Чтобы как-то убить время, я отправился к своему другу Фариду, который только что закончил операцию и теперь отдыхал, лежа на диване.

– А, блудный сын, где ты пропадал? Тебя не слышно и не видно! – воскликнул он, увидев меня. Мне вдруг захотелось рассказать ему о Тути Бикия. Но почему-то я промолчал. Фарид внимательно посмотрел на меня:

– Ты кажешься мне каким-то странным, Азер. Не заболел ли ты?

– Нет, все хорошо.

– Пусть будет так. Но ты чем-то озабочен?

– Меня сильно беспокоит политика президента Обамы.

Фарид, вытаращив глаза, сел поближе ко мне и тихим голосом спросил:

– А что, это как-то связано с нашей страной?

– Ах, если бы это было связано только с нашей страной. Чувство тревоги охватило весь мир, все человечество. Не знаю, чем все это закончится.

Я сказал это с таким серьезным видом, с таким актерским мастерством, что даже прошептал про себя: «Браво!» Фарид наклонился ко мне и тихо спросил:

– Слушай, не томи, скажи, что случилось?

Я встал, прошелся по комнате и сел за его стол.

– Дорогой доктор, – сказал я, улыбаясь, – ты даже не ведаешь, что происходит в этом мире. Хотя бы иногда включай телевизор. Если бы ты вчера смотрел телевизор, то увидел бы, как американский президент, выходя из вертолета, отдал честь встречающим его морским пехотинцам со стаканом кофе в руке. Это событие вызвало волну возмущения и критики не только в Америке, но и во всем мире, а также возмутило меня.

Фарид схватился за голову. Его трясло от смеха.

– Какая же ты сволочь, – наконец сказал он. – Думаешь, что я не смогу до тебя добраться? Ну ничего, я в долгу не останусь. У каждой шутки есть свой предел...

... Я ждал Тути Бикия у метро. Когда она вышла, я последовал за ней...

– Девушка, можно вас на минутку, – окликнул я ее в относительно безлюдном месте. Собственный голос показался мне каким-то чужим. Не обращая на мой зов никакого внимания, она продолжала свой путь. Мне ничего не оставалось, как окликнуть ее по имени. – Тути Бикия, можно вас на минутку?!

Услышав свое имя, она повернулась в мою сторону. Увидев меня, она тут же покраснела. Девушка отвела взгляд и, опустив голову, тихо спросила:

– Это вы меня звали?

– Видимо, я, – ответил я, почувствовав в себе уверенность и силу.

– Я вас слушаю.

– Спасибо! Извините, что остановил вас. Могу я проводить вас до дома?

– В этом нет никакой надобности. Спасибо, но мой дом находится тут, неподалеку.

– Я знаю, где вы живете... Но мне нужно кое-что вам сказать.

– Да, я вас слушаю.

От счастья у меня словно выросли за спиной крылья. «С чего начать? Что ей сказать?..» – думал я, провожая ее до дома. По дороге я, вновь осмелев, рассказал ей о том, что учусь в Анкаре в медицинском университете и имею насчет нее самые серьезные намерения. Когда мы подошли к ее дому, она, остановившись, пристально посмотрела мне в глаза, а затем отвела взгляд в сторону. Видимо, хотела проверить, правда ли это. Чутье меня не обмануло. «Кажется, она мне поверила», – подумал я.

– Прошу вас, уходите – сказала она. – И большое вам спасибо!

– Завтра я снова приду, – с трудом выдавил я, провожая ее взглядом.

... Вот уже несколько дней, как я встречал Тути Бикия возле университета, а затем провожал до дома. Увидев нас вместе, ее однокурсники были крайне удивлены. Я был очень счастлив, и мне хотелось поделиться своим счастьем со всеми окружающими меня людьми. Однажды, когда я в очередной раз провожал ее до дома, она вдруг пригласила меня к себе домой.

– Мама хочет познакомиться с вами, – сказала она. – Пожалуйста, поднимитесь к нам.

Я очень обрадовался этому приглашению. Все эти дни я только и делал, что рассказывал ей о себе и своей семье. Теперь же мне представился случай разузнать все о семье Тути Бикия.

– С удовольствием, вы поднимайтесь, я за вами, – сказал я и спросил номер ее квартиры. Затем быстро забежал в ближайший маркет, купил коробку конфет и поднялся к ним. Еще немного, и сердце мое выпрыгнуло бы из груди.

Дверь открыла ее женщина лет пятидесяти пяти, очевидно, мать Тути Бикия. У нее было доброе, светлое лицо, только глаза выражали печаль и тоску.

– Пожалуйста, проходите, – улыбаясь, вежливо пригласила она меня.

В голосе ее слышались беспокойные нотки. Неизвестно, что ждало меня, но судьба сама привела меня сюда. И благодаря Всевышнему все закончится хорошо. Так думал я.

Мы прошли в большую гостиную, которая больше походила на музей. Стены ее были украшены картинами, написанными такими известными художниками, как Саттар Бахлулзаде, Микаил Абдуллаев, Таир Салахов, и другими мастерами. Я был поражен увиденным. И если бы не мама Тути Бикия, еще долго рассматривал бы картины.

– Присаживайся, сынок, – предложила она мне. – Вижу, ты любишь живопись.

– Да, я люблю все прекрасное, – тихо ответил я.

Женщина многозначительно посмотрела на меня. Ее пристальный взгляд смутил меня. Может, я сказал что-то не то?

– Когда у меня есть время, – продолжил я, – я много читаю о жизни и творчестве великих художников и писателей. Вы, видимо, знаете такого художника, как Пабло Пикассо. Так вот, его имя состоит из 23 слов.

Женщина лишь молча улыбнулась.

– Доченька, принеси нам чай, – попросила она дочь. – А ты, сынок, можешь положить коробку на стол.

Меня прошиб пот. Я вдруг вспомнил эпизод из фильма «Служебный роман» и тут же положил коробку на стол.

– Извини, сынок, – рассмеялась она. – Может, ты купил конфеты для своей семьи и поэтому так крепко прижимаешь коробку к груди?

Чтобы как-то разрядить напряжение, она, видимо, решила немного пошутить.

Тути Бики принесла на медном подносе две чашки чая.

– Давай сначала выпьем чай, а затем поговорим. Ты ведь никуда не торопишься, сынок? – спросила женщина.

– Нет, никуда не тороплюсь, – ответил я. – Только можно мне сначала помыть руки?

– Да, конечно.

Я прошел в ванную. В квартире царила идеальная чистота, а вся обстановка говорила о высоком вкусе хозяев. Я вернулся в комнату и сел за стол.

– Сынок, меня зовут Наргиз ханым, но ты можешь называть меня тетя Наргиз. А как зовут тебя?

– Азер.

– Очень хорошо, сынок. Тути Бики обо всем мне рассказала. Давай сразу будем откровенными друг с другом. Может, позже ты расскажешь мне о своей семье?

– Да, конечно, тетя Наргиз.

– Хорошо, сынок, но сначала я опишу тебе нашу семью. Может, в моем рассказе тебе что-то не понравится, но в любом случае ты должен об этом знать. Мой муж был известным художником. Его выставки проходили не только в нашей республике, но и за рубежом. Многие картины, которые ты здесь видишь, написаны его рукой. Работы моего мужа хранятся у коллекционеров всего мира. Но его уже давно нет с нами...

– Пусть земля ему будет пухом!

– Спасибо, сынок! У меня двое детей: сын и дочь. Нашу дочь муж назвал в честь отважной супруги Фатали хана Тути Бики, а сына – в честь славного шаха Гаджара. К этим выдающимся личностям он питал особое уважение. Ты уже знаешь кое-что о моей дочери, но ничего не знаешь о сыне. Так вот, уже два года он сидит в тюрьме. Попал он туда из-за сестры, сломав руку задевшему ее парню. Он очень любит сестру и не раз дрался из-за нее с ребятами из университета. Я умоляла его перестать себя так вести, но он меня не слушал. На днях его тюремный срок заканчивается, и он возвращается домой. Теперь я постоянно думаю о том, как помочь ему найти свое место в жизни. Сынок, я знаю, что привело тебя сюда. Подожди еще дня два, пусть он вернется домой. Я хочу, чтобы ты взвесил все за и против, а затем рассказал обо всем своим родителям. Может, они уже присмотрели для тебя невесту, и наша семья вам не подходит? Родители уже имеют за плечами определенный жизненный багаж, и дети, которые прислушиваются к их советам, часто бывают счастливы. Ты должен обязательно посоветоваться со своими родителями. Если чутье меня не обманывает, то передо мной сидит честный молодой человек. Иди, сынок, и хорошо обдумай мои слова. Чтобы завтра никто не смог упрекнуть тебя в том, что ты женился на сестре бездельника.

... Через два дня после нашего разговора из тюрьмы вышел Гаджар. Я позвонил Наргиз ханым и поздравил ее с радостным событием. Мне показалось, что голос ее дрожит. Она поблагодарила меня и попросила приехать к ним. Я насторожился. Может, что-то случилось? А может, ее голос дрожит от радости?

Дверь открыла Наргиз ханым. Она была бледна, как смерть, глаза опухли от слез.

– Заходи, сынок! – сказала она, чуть не плача.

В доме стояла полная тишина. Лишь из ванной комнаты доносилось журчание воды.

– Тетя Наргиз, как поживает ваш сын? – спросил я.

– Хорошо. Вот купается в ванной. Я с нетерпением ждала его возвращения. Если бы... – она с опаской поглядела в сторону ванной комнаты. Я не знал, что она собирается мне сказать, однако чувствовал, что произошло что-то нехорошее. – Сынок, в тот день, когда я впервые увидела тебя, радости моей не было предела. Я подумала, какое счастье, что моя дочь встретила того, о ком так долго мечтала. Ночью во сне мне приснился мой покойный муж. Он выглядел бодрым и веселым. Он сказал мне, что ты именно тот человек, за которого должна выйти замуж Тути Бикия. Но Гаджар... – Она вдруг замолчала, на глазах появились слезы. Затем, запинаясь, она продолжила: – Гаджар вернулся из тюрьмы с плохими новостями. Судьба нашей семьи теперь находится под ударом. Я ищу, но не могу найти выхода из образованвшегося тупика. Сынок, я позвала тебя затем, чтобы ты услышал все от него самого.

Наргиз ханым вновь замолчала, затем прошла в кухню. Через минуту она вернулась в комнату со стаканом воды. Сделав глоток, она слегка успокоилась.

– А где Тути Бикия? – поинтересовался я. – Я думал, что она дома.

– Она дома, но пускай пока посидит в другой комнате. Сейчас выйдет Гаджар. Я все рассказала ему о тебе. Ради меня, сынок, постарайся не перечить ему. Прошу, пойми меня правильно. Может так случиться, что он даже оскорбит тебя. Но, умоляю, не обращай на это внимания. Может, Аллах укажет нам правильный путь...

Просьба Наргиз ханым меня смутила. У меня перехватило дыхание, мысли путались.

Наконец из ванной комнаты вышел Гаджар. Когда он, шлепая тапочками, шел по коридору, меня словно били по голове молотком. Он вошел в комнату.

– Кажется, у нас гости, – сказал он, не подавая мне руки. – Добро пожаловать! Ма, принеси мне крепкий чай! – приказал он матери, нагло развалившись на диване.

Наргиз ханым быстро юркнула в кухню и принесла чай, который, видимо, только что заварила Тути Бикия. С первого взгляда Гаджар мне жутко не понравился, хотя как мужчина он был очень привлекателен внешне и наверняка нравился женщинам. Остальные же его качества, думал я, проявятся только после нашего с ним разговора. И тогда, может быть, я составлю о нем правильное представление.

Он лениво встал с дивана и сел за стол напротив меня. Отпив глоток чая, он поставил стакан на блюдце.

Первой нарушила тишину Наргиз ханым:

– Гаджар, сынок, вот тот парень, Азер, о котором я тебе говорила. Мы ждали тебя, чтобы вместе решить дальнейшую судьбу Тути Бикия.

– Я свое слово сказал! – заявил он решительным тоном. – В тюрьме я дал слово другу. Все, вопрос решен!

– Сынок, Гаджар, прошу тебя, расскажи Азеру обо всем сам, – умоляюще попросила мать. Наргиз ханым сидела как на иголках, и ей было трудно говорить.

– Ма, я вижу Азера в первый раз. Но раз ты этого хочешь, я исполню твою просьбу и расскажу обо всем, как есть.

Он встал с места, подошел к окну и раздвинул тюлевые занавески. Глядя в окно, он неспешно начал свой рассказ:

– До того дня, как я оказался в тюрьме, сюда не ступала нога ни одного мужчины. У меня никак не укладывается в голове, что моя мать так легко могла пустить тебя в наш дом. Да ты и сам должен был понять, что если в доме нет мужчины, туда заходить категорически воспрещается. Но, к сожалению, это произошло.

– Гаджар, я бы сам не посмел прийти в ваш дом, но меня пригласила сюда тетя

Наргиз. Я пришел к вам с самыми чистыми намерениями...

– Не перебивай меня, потом я дам тебе слово...

Я, как мог, старался держать себя в руках, к тому же Наргиз ханым приставила указательный палец к своим губам, делая знак, чтобы я молчал.

– Еще вчера я разузнал все о тебе и твоей семье, – продолжил Гаджар. – Правда, мне рассказали о вас много хорошего. И если бы это было не так, я сам бы нашел тебя и... – я сжал кулаки, чувствуя, как по телу струится пот. Но я должен был выдержать все это ради Тути Бикия. – Забудь имя моей сестры и больше сюда не приходи. Тути обещана другому. В мире много хороших девушек, и ты еще найдешь себе хорошую жену. Да не забудь о Наргиз ханым, обязательно пригласи ее на свою свадьбу.

Я чувствовал себя так, словно находился между молотом и наковальней. «Может, Гаджар испытывает меня на прочность? – думал я. – Но если это не так, что мне теперь делать? У кого просить помощи? Мне нужно срочно поговорить с Тути Бикия, а затем решить, как действовать дальше».

– Все, я поставил точку в этом вопросе, – сказал решительно Гаджар. – Завтра я уезжаю на два дня в район и когда вернусь, постараюсь больше не показываться мне на глаза. Забудь о Тути Бикия навсегда.

В любом случае я должен был что-то ответить ему – если бы я промолчал, то наверняка счел бы себя трусом.

– Большое спасибо, что вы приняли меня. Я внимательно выслушал вас, а теперь послушайте меня. Вы находитесь в таком возрасте, что я не смею давать вам советы и наставления, да и права у меня такого нет. Но я прошу вас лишь об одном. Не заставляйте свою мать плакать, любите и берегите ее, будьте для нее надежной опорой в жизни. Подумайте и о будущем своей сестры, считайтесь с ее чувствами и желаниями. Гаджар, смотрите на мир не только глазами, но и сердцем. До свидания!

Выходя из квартиры, я дал понять Наргиз ханым, что, мол, завтра снова зайду к вам. Я был ужасно расстроен, голова сильно гудела. Я не знал, подействуют ли мои слова на Гаджара, и будет ли от этого какая-либо польза?

Когда я пришел домой, мама растерянно, даже с испугом поглядела на меня.

– Азер, да на тебе лица нет! Ты слишком бледен, может, чего-то испугался?

Она быстро прошла в кухню и принесла мне стакан с водой. Отпив глоток, я немного пришел в себя.

– Когда я переходил через дорогу, мимо меня пронеслась машина, сбив человека. К счастью, он получил легкое ранение. Мы помогли ему. Посадили в машину и отправили в ближайшую больницу. Водитель же сбежал с места происшествия.

– Правильно сделал, что помог, сынок. Сейчас я принесу тебе чай, а затем пойдешь немного отдохни.

– Да, мама, ты права.

Я выпил стакан чая и прилег. «Интересно, до каких пор я буду обманывать свою мать?» – думал я. Если бы у меня была возможность, я бы ускорил наступление утра. Хотелось поскорее увидеться с Тути Бикия, чтобы поговорить с ней о нашем будущем...

На следующий день я рано вскочил с кровати. Ночью мне приснилась Тути Бикия. Протянув руки, она просила меня о помощи. Видел я также Гаджара, который молча смотрел на меня, и казалось, что он раскаивается. Может, он все-таки изменил свое решение? Как бы там ни было, но я твердо решил встретиться с Тути Бикия...

Я вошел во двор, где жила Тути Бикия и, спрятавшись за кустами, стал ждать, когда Гаджар выйдет из дома. Прошло два часа, но он все еще не показывался.

Наконец возле подъезда дома остановилась машина. Водитель вошел в дом. Через несколько минут он вернулся с чемоданом, положил его в багажник и стал ждать. Вскоре показался сам Гаджар. Оглядевшись, он помахал рукой стоявшей на балконе матери и

сел в машину. После его отъезда я сразу же поднялся к ним в квартиру. Дверь открыла Наргиз ханым. Увидев меня, она не удивилась, потому что знала, что я обязательно приду. Я прошел в гостиную и сел напротив Наргиз ханым, которая выглядела сильно уставшей и расстроеной. Я ждал появления Тути Бикия, но она не показывалась.

– Тетя Наргиз, – обратился я к ней. – Можно, чтобы Тути Бикия также присутствовала при нашем разговоре?

– Я не против, сынок, но сначала давай поговорим с тобой наедине. После твоего ухода в нашем доме воцарилась гнетущая тишина, только слышно было тиканье настенных часов. Гаджар, о чем-то думая, долго ходил по комнате, сцепив руки за спиной. Он попросил Тути Бикия принести ему чай, а затем позвал нас обеих в комнату. Мы ждали, пока он начнет говорить. Наконец, отпив глоток, он швырнул стакан на блюдце, которое тут же раскололось на две части. Было видно, что он с трудом сдерживает себя. Я молча отодвинула в сторону расколотое блюдце, и он, вдруг схватив меня за руки, стал целовать их. Я была бесконечно тронута.

– Тути, – затем он обратился к сестре. – Я знаю, что сломал твою жизнь, как это блюдце. Я часто дрался из-за тебя с ребятами, которые были недостойны тебя. Но я вижу, что этот парень, Азер, любит тебя по-настоящему. Эх, если бы он появился в твоей жизни немного раньше... Находясь в тюрьме, я контролировал каждый твой шаг. Это я поручил маме пригласить к нам в дом молодого человека, который станет ухаживать за тобой. Азер повел себя самым достойным образом, однако часто мы не получаем того, чего хотим. Ты можешь связать с ним свою дальнейшую судьбу, но тогда мне придется убить Гаянара, и ради твоего счастья я готов пойти даже на это. Но я знаю, что потом произойдет. Я попаду в тюрьму, и вы больше меня не увидите. И, конечно же, будете страдать. Как я вам рассказывал, в тюрьме царят совсем другие понятия. Там нет места сочувствию и милосердию. Там господствуют свои, жестокие законы. Конечно же, я могу тебе дать возможность сбежать с Азером, но тогда Гаянар все равно убьет меня. И если даже я смогу сбежать, он расправится с нашей матерью и будет преследовать тебя. А при первом же удобном случае он убьет Азера или погибнет сам. Все же странная штука эта жизнь. Порой она преподносит нам неприятные сюрпризы. Вот так, сестра...

...Наргиз ханым позвала Тути Бикия. Когда девушка вошла в комнату, я не узнал ее. Ее ясные зеленые глаза потускнели, словно воды Каспия в ненастную погоду. Увидев меня, она побледнела и тяжело опустилась на стул. Она сидела рядом, но мы были далеки друг от друга, как небо и земля. Мое сердце сжималось от невыразимой тоски и боли. Больше меня в этом доме ничего не держало. Сегодня по вине Гаджара между мной и Тути Бикия выросла непреодолимая стена, и мы были не в состоянии ее разрушить.

– Тетя Наргиз, – сказал я, понимая, что мне придется навсегда покинуть этот дом. – Все теперь ясно, как день. Я хотел было сбежать с вашей дочерью, но теперь знаю, что она на это не согласится. Должен признать, что она поступает правильно. Скоро мы навсегда расстанемся, и я желаю ей только счастья. Пусть Аллах не оставит ее... Ваш сын Гаджар в результате роковой ошибки, пусть даже и невольно, совершил непоправимое. Я также желаю ему счастья, а вам, тетя Наргиз, – крепкого здоровья.

Попрощавшись, я прошел в прихожую и, нагнувшись, стал завязывать шнурки на ботинках. Вдруг я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Обернувшись, я увидел перед собой Тути Бикия. Мы стояли так близко друг к другу, что я чувствовал ее дыхание на своем лице. В этот тяжелый момент на короткое время я почувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Внезапно она со слезами на глазах бросилась мне на шею и крепко обняла. Громко всхлипывая, она что-то говорила, но я не понимал ее. Наргиз ханым обняла дочь, чтобы увести в другую комнату, а я, не удержавшись, прижал к себе девушку и крепко поцеловал в лоб. Все это произошло помимо нашей воли. С трудом оторвавшись от любимой, я открыл дверь и побежал вниз по лестнице. Оказавшись на улице,

я в последний раз окинул взглядом дом, в котором жила Тути. «Прощай!» – прошептал я про себя. За окном, прислонившись лбом к стеклу, стояла Тути Бикия. Я в последний раз помахал ей рукой и, не оглядываясь, поспешил навсегда покинуть эти места.

Дома мама вновь учинила мне допрос. Чтобы не расстраивать ее, я стал ей врать. В конце концов она намекнула мне, что у друга моего отца есть дочь, с которой мне неплохо было бы познакомиться.

Друг отца, Ислам, занимал высокую должность. Он искал для дочери подходящего мужа, а для семьи – хорошего зятя, и поэтому стал наводить обо мне справки. «Многие мечтают породниться с Исламом, – говорил отцу один из его близких знакомых, – но он не хочет отдавать дочь незнакомым людям. И если твой сын согласится, я устрою это дело». По словам матери, отец также мечтал породниться с Исламом. Он попросил маму уговорить меня познакомиться с дочерью Ислама. Правда, я мельком однажды видел ее, и она была довольно привлекательной девушкой. Я сказал матери, что никогда не думал о том, чтобы жениться на дочери Ислама, но мне было уже все равно. Еще немного, и я бы согласился на брак без любви. Вдруг мне послышался голос Тути Бикия. «Мы еще встретимся!» – тихо повторяла она.

– Мама, – твердо сказал я. – Сегодня из Анкары мне позвонил научный руководитель. Я должен срочно лететь в Турцию. Завтра в университетской клинике будет проводиться научно-практическая конференция, и у меня там запланировано выступление...

– Ничего, сынок, занимайся своими делами. Скажи только «да», и мы просватаем за тебя девушку. Если ты женишься на дочери Ислама, перед тобой откроются любые двери. Захочешь, купит вам отдельную квартиру или подарит частную клинику. Сынок, не упускай шанса. Не каждому выпадает такой счастливый случай.

– Мама, если бы вы сказали мне об этом раньше, я бы послушался вас. И еще... Может, она любит другого человека? А может, я ей даже не понравлюсь?..

– Эх, сынок, разве тебя можно найти дома, – сказала мама, удивленно глядя на меня – Целые дни ты проводишь с друзьями. То ты в чайхане, то в клинике, то еще где-то... Вот и сейчас ты уезжаешь. Может, все же подумаешь о своем будущем...

Собрав вещи в чемодан, ночью я улетел в Стамбул. В Анкару были рейсы только два раза в неделю, и поэтому ночь я провел в доме своего друга, а в понедельник утром на автобусе отправился в Анкару.

Через неделю я приступил к учебе, а также три раза в неделю продолжал работать дежурным врачом в клинике. Жизнь как-то потихоньку налаживалась. Я вполне мог обеспечивать себя сам и даже помогать родителям.

В одно из воскресений я решил посетить могилу известного турецкого врача, профессора Ихсана Дограмаджи, о котором немало слышал, а также побывать в построенной им мечети. Купив букет цветов, я отправился в Билькент. Хочу добавить, что Ихсан Дограмаджи был также основателем Билькентского университета, который находился рядом с мечетью.

Сначала я решил зайти в мечеть. Это было необычное архитектурное сооружение, крыша которого напоминала купол обсерватории. Минарет в форме ракеты, казалось, вот-вот полетит в небо. Я зашел внутрь. Все внутреннее убранство мечети говорило о высоком вкусе. На стенах мечети были записаны чьи-то имена. Подойдя поближе, я стал разглядывать надписи. На одной стороне стены были записаны имена 12-ти имамов, на другой – имена халифов.

Неожиданно ко мне подошел улыбающийся мужчина, который оказался смотрителем мечети. Поздоровавшись со мной, он стал рассказывать мне историю основания мечети. Я знал, что где-то рядом находится могила ученого, и попросил смотрителя показать ее мне. Выйдя на улицу, мы прошли немного вперед, и передо мной предстал монумент в форме круглой тарелки. Здесь был похоронен Ихсан Дограмаджи. Положив на

могилу цветы, я стал молиться за него...

Я уже собирался уходить, когда увидел, как к могиле ученого подошли новобрачные. Я вдруг вспомнил о Тути Бикия. После моего отъезда из Баку она являлась мне во сне почти каждую ночь. Тути протягивала ко мне руки, но у меня не было сил подойти к ней.

Когда у меня выдавалось свободное время, я, чтобы не думать о ней, старался хоть чем-то занять себя: ходил по музеям, слонялся по базарам и магазинам. Каждый раз, увидев невесту с женихом, я представлял на их месте себя с Тути Бикия, испытывая при этом чувство блаженства...

– Эфендим, что с вами? – вдруг сказал смотритель мечети, ткнув меня в бок. – Вы прямо светитесь от счастья. Разве вы знакомы с этими новобрачными?..

... Раньше, когда мои друзья говорили о любви и страсти, я часто подшучивал над ними, и они упрекали меня в бессердечии. «Придет время, – говорили они, – и ты влюбишься по уши. И тогда посмотрим, как ты будешь смеяться». Я часто думал, что же такое любовь? Может, это такой вирус, который переходит от парня к девушке или наоборот? И в результате этой вирусной инфекции мужчина и женщина влюбляются друг в друга до безумия. Глядя на новобрачных, теперь я верил в любовь и поклонялся ей...

– Нет, – ответил я. – Просто когда я вижу молодоженов, меня охватывает радость.

Окинув меня внимательным взглядом, смотритель, попросившись, тут же ушел.

... Прошел год с тех пор, как я уехал из Баку. До защиты оставалось еще немного времени, три-четыре месяца. Многие турецкие клиники стали наперебой предлагать мне работу. Накануне праздника Гурбан Байрам, отпросившись на неделю, я улетел в Баку. Я не переставал думать о Тути Бикия, и мне очень хотелось узнать о ее дальнейшей судьбе. И, конечно же, я соскучился по родителям.

Дверь открыла мама и сразу же бросилась мне на шею. От радости на ее глазах появились слезы. Мой младший брат сейчас служил в армии, а сестра с мужем уехали на некоторое время в Европу.

– Ах, сынок, как хорошо, что ты приехал! – радостно воскликнула мама. – Вчера, когда мы говорили с тобой по скайпу, ты не сказал нам, что приезжаешь...

– Мама, принеси мне, пожалуйста, чай. И поскорее!

– А ты куда-то торопишься?

– Да, меня ждет самолет. Я специально прилетел в Баку, чтобы встретиться с тобой, а затем сразу же улетаю обратно в Анкару. Все дороги закрыты, и ждут только меня...

Я сказал это таким серьезным тоном, что мама на секунду растерялась. Но затем поняла мою шутку и громко рассмеялась.

– Когда я вспоминаю твои шуточки, я невольно улыбаюсь. Твоя будущая жена будет счастливой женщиной. Ты не дашь ей скучать. Зато твой младший брат Сагиф, наоборот, самый угрюмый человек на свете.

Когда мама сказала мне о «будущей жене», я тут же вспомнил Тути Бикия...

В понедельник утром я навестил некоторых своих друзей, а затем поужинал в ресторане с Фаридом. Потом мы отправились в клинику, где он работал врачом. Мы долго беседовали, и он вдруг спросил меня, не собираюсь ли я жениться.

– Фарид, – стал шутить я. – Я давно женат, и у меня есть ребенок. Моя жена родом из Бурсы. Я давно хотел раскрыть тебе страшную тайну. Моя жена вновь беременна, и скоро у нас родится второй ребенок. В скором времени ты сможешь рассказать об этом моей матери, но пока об этом никто не должен знать...

Фарид, кажется, мне поверил. Вообще он был очень доверчивым малым. Еще когда мы вместе учились в лицее, он верил всему, что ему говорили.

– Она работает вместе с тобой?

– Нет, она работает в клинике для животных, расположенной в центре Анкары.

– Да-а, нашел на ком жениться...

– Что ты говоришь? – воскликнул я. – У нее очень интересная работа. Она целыми днями рассказывает мне различные истории из жизни животных. И еще у нас в доме живут четыре кошки и один бульдог.

Фарид скривил рот.

– Пусть Аллах тебе даст немного ума, – сказал он брезгливо. – Я не могу взять на себя эту миссию. Лучше попроси Саттара рассказать об этом твоей маме.

– Саттар, конечно же, наш друг, – возразил ему я. – Однако у каждого из моих друзей есть свое определенное место. Во-первых, моя мама больше всех любит тебя. Во-вторых, одно дело, когда об этом ей расскажет хирург, другое дело – ветеринар. Скажи правду, кому она больше поверит? – если бы кто-нибудь видел эту сцену со стороны, ему бы стало жаль Фариду. Он смотрел на меня с растерянным видом. Я же все больше подливал масла в огонь: – Оказывается, я плохо тебя узнал, – сказал я, делая вид, что собираюсь уходить, и направился к двери.

– Стой, Азер! Мы что-нибудь с тобой придумаем. – Он кинулся вслед за мной.

Стоя у двери, я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Если ты даже станешь великим хирургом, – улыбаясь, сказал я ему, – то по-прежнему будешь верить во все, как ребенок. Хотя бы немного подумай.

Фарид хотел было броситься на меня с кулаками, но я, выскочив в коридор, закрыл перед его носом дверь. Я не сел в лифт, а бегом спустился по лестнице вниз.

– Азер, Азер! – кричал мне вслед Фарид, высунувшись из окна третьего этажа. – Тебе это так просто с рук не сойдет! Посмотришь!

Я помахал ему рукой и послал воздушный поцелуй.

Мне вдруг захотелось пойти к дому Тути Бикия. «Может, она ждет меня?» – подумал я. Я постоянно ждал ее звонка и каждый раз, когда звонил телефон, невольно вздрагивал. Но нет, она наверняка была уже замужем. Иначе она давно бы нашла меня. Отказавшись от этой бредовой мысли, я тоскливо поплелся домой.

...После ужина отец сел смотреть телевизор. Мама присела возле меня и тихо, чтобы не слышал отец, сказала:

– Сынок, отец ждет твоего ответа. Ты принял решение насчет дочери Ислама? Может, ты согласишься завтра встретиться с ней?..

– Мама, на праздник Гурбан Байрам говорить о женитьбе категорически воспрещается. Пусть пройдет три-четыре дня, и тогда посмотрим.

– Ай, сынок, при чем тут праздник? Это самое подходящее время.

– Так мне подсказывает сердце. После праздника обязательно поговорим об этом.

– Хорошо, я скажу об этом отцу.

Я обрадовался, что мать так быстро согласилась со мной.

Ночью мне вновь приснилась Тути Бикия. Она грустно стояла в тумане и опять просила меня о помощи. Затем туман рассеялся, и я ясно увидел ее лицо.

...Утром я встал довольно поздно, все еще находясь под впечатлением от увиденного сна. Я решил сегодня остаться дома, чтобы немного побыть с матерью. Зазвонил телефон. Мама взяла трубку и протянула ее мне.

– Это Фарид, – сказала она.

Я взял трубку.

– Срочно приезжай в клинику, – голос Фариды был взволнованным. – У меня тяжелый больной. Мне нужна твоя помощь.

– Ты, наверное, хочешь мне врезать из-за вчерашнего разговора...

На этот раз Фарид стал умолять меня:

– Прошу тебя, я говорю правду. К нам поступила молодая женщина... Она находится на грани жизни и смерти. Возьми такси и срочно приезжай в клинику.

Я быстро оделся и выскочил из дома. Поймав такси, я примчался в клинику. Фарид

выглядел очень взволнованным. Увидев меня, он бросился мне навстречу:

– Азер, вчера к нам в клинику привезли тяжелую больную. Она потеряла много крови. Боюсь, что не выживет. Говорят, что ее избил до полусмерти муж. Часть ее лобной кости вдавилась внутрь черепа, а также сломаны челюсть и нос. Есть только один хирург, который может взяться за это дело, но сейчас он находится в отпуске. Остальные же врачи отказались делать ей операцию. Может, мы сможем спасти ей жизнь. Руководители нашей клиники также обеспокоены состоянием больной. Боятся, что смерть пациентки нанесет сильный удар по имиджу клиники. Прошу тебя, давай сделаем все возможное, чтобы спасти ее.

Когда мы вошли в реанимационную палату, передо мной предстала страшная картина. Я видел немало людей с тяжелыми травмами, но с таким случаем я столкнулся впервые. Я подошел к койке, где лежала несчастная жертва. Она была вся в крови. Лицо ее распухло, челюсть вывихнута и сломан нос. Я невольно вскрикнул. Почему? Не знаю. Взяв ее за руку, я стал прощупывать пульс. Пульс был слабым. Затем я осторожно осмотрел голову девушки, которая была вся в ссадинах и порезах.

– Фарид, мы обязательно должны помочь ей. Как говорят, на небесах – Бог, а на земле – люди. Будь проклят тот, кто совершил с ней такое! Остается решить лишь один вопрос: допустят ли меня к операции руководители вашей клиники?..

– Да, конечно. Я сказал, что ты окончил медицинский университет в Турции и являешься дипломированным хирургом, так что все в порядке.

К счастью, клиника была оснащена новейшим медицинским оборудованием. Первым делом я вставил на место челюсть. Девушке было трудно дышать, и мы подключили ее к аппарату искусственного дыхания. Постепенно ее дыхание выровнялось.

Теперь я должен был вставить на место часть лобной кости. «Лишь бы мозг не был серьезно поврежден», – подумал я. Мне предстояло сделать сложную операцию. Для этого нужно было вскрыть череп, но я не рискнул сделать это самостоятельно. К счастью, я вспомнил о своем знакомом враче, Мураде, который, окончив учебу в Турции, недавно возвратился в Баку и работал хирургом в одной из городских клиник. Я тут же позвонил ему, сказал, что в срочной операции нуждается моя знакомая, и попросил его приехать в клинику как можно скорей. Спросив адрес, он через десять минут был на месте, и мы сразу же приступили к операции. Сначала мы вскрыли ей череп. Слава Богу, мозг был почти не поврежден. Лишь сотрясение, но это не так страшно. Мое волнение тут же улетучилось, и я был рад, что мои знания мне пригодились. Операция шла почти пять часов и закончилась успешно. Я прощупал пульс. Пульс был хотя и слабый, но постепенно выравнивался. Значит, она будет жить.

Мурад тут же попрощался с нами. У него в клинике была запланирована очередная операция. Мы же с Фаридом прооперировали нос девушки, и я сделал ей перевязку.

Затем больную перевезли в реанимационное отделение. Вымыв руки, мы с Фаридом немного перекусили, а затем я вновь возвратился в реанимационную палату, чтобы проверить состояние больной. Девушка была бледна, как смерть, и ей нужно было срочно сделать переливание крови.

Вечерело, но я не торопился уходить домой. Мне почему-то казалось, что между мной и этой несчастной девушкой существует какая-то связь.

«Не уходи!» – словно говорила мне она.

«Я уйду только тогда, когда тебе станет лучше. И сделаю все возможное для того, чтобы ты поскорее встала на ноги!»

Перед уходом Фарид посоветовал мне пойти домой и немного отдохнуть. Я обещал последовать его совету. Перед тем, как уйти, я вызвал в кабинет дежурного врача и медсестру и поручил им следить за состоянием больной. Я попросил медсестру звонить мне в любое время суток, если возникнет какая-нибудь проблема.

Когда я вернулся домой, мама сразу же накинулась на меня.

– Если тебя не побить, ты не образумишься! Я весь день звонила тебе. Почему ты не отвечаешь на звонки?

Я прошел в кухню и взял в руки скалку. Нагнув голову, я с виноватым видом протянул ей скалку и сказал:

– Вот, мама, бей меня, сколько хочешь.

– Да ну тебя, – вдруг рассмеялась она.

После ужина я рассказал родителям о проведенной мною операции. Они были очень растроганы. Я пообещал маме взять ее с собой в клинику, чтобы навестить больную, как только она немного поправится. И даже позволил себе немного похвастаться: пойдешь, мол, посмотришь, какую операцию провел твой сын.

Немного отдохнув, я вновь возвратился в клинику. Первым делом зашел в палату к больной и прощупал пульс. Пульс немного участился, дыхание ослабло. Чтобы она не волновалась, я стал с ней разговаривать. Постепенно дыхание ее стало ровным, и я снял с лица больной пластмассовую маску аппарата искусственного дыхания...

На следующий день я решил посоветоваться с Фаридом и показать девушку гинекологу. Подумал, может, она находится на ранней стадии беременности, и, не дай Бог, плод в матке начнет разлагаться и отравит весь организм.

Когда вошел Фарид и увидел меня у постели больной, он очень удивился.

– Азер, – сказал он, – неужели ты всю ночь провел здесь?

– Да, Фарид. Я немного отдохнул дома, а затем сразу же возвратился в клинику. Еще немного, и мама избивала бы меня скалкой, потому что я не отвечал на ее звонки.

– Что ты наделал? – вдруг закричал он. – Почему ты снял с нее маску?

От его крика больная чуть зашевелилась. Это было хорошим знаком.

– Фарид, – сказал я другу. – Все в порядке. Завтра переведем больную из реанимационного отделения в палату. Дня через два она должна будет встать на ноги. Ну, а дней через пять, если повезет, мы даже сможем перевести ее на амбулаторное лечение. Да, еще нужно срочно показать ее гинекологу.

Я проверил давление больной. Оно было нормальным. Но ей нужно было срочно делать переливание крови.

– Фарид, сейчас же позвони в институт переливания крови, пусть срочно доставят кровь подходящей группы.

Я взглянул на Фариду. Видимо, он сожалел о том, что накричал на меня.

– У нас есть очень хороший врач-гинеколог, сейчас я позову его, – сказал он тихо. – Но, Азер, есть одна проблема. Может выйти так, что родственники девушки не смогут оплатить ее лечение. Ведь здесь все услуги платные. Кто же тогда заплатит за нее?

– Брат, – постарался успокоить его я. – Не переживай. Я сам за все заплачу. Ведь это первая операция, которую я провел на родине. Это окрыляет. Как говорил Мешади Ибад, деньги с меня. Я сделаю для своей пациентки подарок, так что не волнуйся.

Смочив водой салфетку, я стал протирать запекшиеся губы девушки. Почему я так заботился о ней? Не знаю. Видимо, потому, что это была первая пациентка, которой я провел операцию на родине. По крайней мере, я так думал. Мне не хотелось отходить от нее ни на шаг. Но почему ее никто не ищет? Все это казалось мне очень странным.

Позвонив матери, я попросил ее сварить куриный бульон для моей пациентки.

Наконец пришел гинеколог и мне пришлось выйти из палаты. Сидя в кабинете Фариды, мы пили чай и вспоминали студенческие годы. Через некоторое время в дверь постучали. В кабинет вошел гинеколог и сел напротив Фариды.

– Доктор, как прошло обследование? – спросил я его.

– Очень хорошо! Но есть одна проблема...

– Что-то случилось? – перебил я его. – Может, осмотрим ее вместе?

Гинеколог слегка улыбнулся.

– В этом нет никакой необходимости. Эта девушка является девственницей. Не знаю, что вам сказали, но у нее не было мужчины.

Я был сильно удивлен. Кто же тогда мог так поступить с ней и почему?.. Но какое мне до этого дело? Самое главное, что я спас ей жизнь.

– Фарид, – сказал я, – найди того, кто привез ее сюда, и узнай, есть ли у нее семья.

Затем я оправился домой и возвратился в клинику с бульоном из курицы. Позвав медсестру, я попросил ее помочь мне накормить больную. Девушка была очень слаба. Ей трудно было даже пошевелиться. Я нажал на кнопку кровати, и она чуть приподнялась.

Когда медсестра поднесла ложку ко рту больной, она сжала губы. Ей не хотелось есть. Тогда я взял у медсестры ложку и, наклонившись к девушке, тихо сказал:

– Я твой врач. Этот бульон моя мама приготовила лично для тебя. Если ты хочешь быстро поправиться, то обязательно обязательно немного поешь. Если не будешь есть, тогда я съем суп сам и больше сюда не приду. Хорошоенько подумай.

Я поднес ложку к ее рту. Она осторожно открыла рот и стала тихонько есть. Я был этому несказанно рад и с удовольствием доел оставшуюся часть бульона.

– Как тебя зовут? – спросил я больную. – Ты можешь говорить?

Она хотела что-то сказать, но у нее не было на это сил. Я накрыл ее одеялом и невольно погладил по руке. И вдруг произошло чудо. Она с трудом подняла свою руку и положила на мою. «Видимо, она таким образом выражает мне свою благодарность», – промелькнуло у меня в голове. Девушка долго не убирала свою руку...

...Вечером я вернулся домой, поцеловал маму в щеку и поблагодарил за бульон.

– Мама, я тоже попробовал твой бульон. Такого я не ел уже много лет.

– Если хочешь еще, – сказала она мне, – марш на кухню.

Я прошел на кухню и вновь с удовольствием отведал маминого бульона.

На следующий день больную перевели в палату. Состояние ее было удовлетворительным. По словам Фариды, родные девушки пока еще не появлялись. Но врачи «скорой помощи» сказали, что ее избил до полусмерти муж, которого затем убили.

«Может, гинеколог ошибся? – думал я. – Но кто же тогда довел ее до такого состояния, может, убийца мужа? Вопросы эти беспрерывно вертелись в моей голове, не давая покоя. Мне было жаль девушку, и я чувствовал, что теперь не должен оставлять ее одну. Но, с другой стороны, скоро я должен был возвращаться в Турцию.

Днем я вновь накормил больную обедом, который приготовила моя мама. Несмотря на то, что ей сделали переливание крови, она была все еще слаба.

В палату вошли Фарид и двое полицейских. Фарид представил меня лечащим врачом больной. Полицейские пришли допросить девушку, но я воспротивился этому. Сказал, что она еще очень слаба, и допросить ее можно будет дней через пятнадцать-двадцать.

От полицейских мы узнали, что несчастную пытались убить муж, которого затем кто-то убил. Свидетелем этой трагедии стала еще одна женщина, которая сейчас находилась в коме, но не сегодня-завтра должна была прийти в себя. Полицейские собирались допросить обеих женщин, чтобы узнать, что же произошло. Попрощавшись с нами, они ушли.

Я вышел на улицу и зашел в чайхану, которая находилась рядом с клиникой. Выпив стакан чая, я собрался было уйти домой, но прежде решил навестить свою пациентку. Удивительным было то, что, находясь рядом с ней, я почти не вспоминал о Тути Бикия. Словно какая-то неведомая сила не давала мне думать о ней.

Через два дня я заставил больную встать с кровати, и она с моей помощью уже могла немного ходить по комнате. Я пытался разговаривать с ней, но все было тщетно. Она глядела на меня своими грустными, опухшими глазами и молчала.

За день до моего отъезда мы с Фаридом навестили больную. Осторожно сняли бинты, все было отлично. Я внимательно посмотрел на девушку. Она показалась мне

такой родной и близкой, будто я знал ее уже много лет.

Мы поднялись в кабинет Фариды, и я положил на стол приготовленные мною заранее деньги. Фарид покраснел.

– Азер, друг, ты мог бы этого и не делать. Ты сделал хорошее дело, вернул человека к жизни...

– Дорогой Фарид! – перебил его я. – Это ведь не твоя личная клиника, чтобы прощать пациенту долг. Вдобавок, ее родные пока не объявились. Возможно даже, что она выросла в детдоме, и у нее никого нет. И если бы она не попала сюда, то наверняка была бы уже мертва. Я делал свое дело, не думая о деньгах. Тебе это покажется странным, но я привязался к этой несчастной девушке. Прошу тебя, хорошо присматривай за ней. Если произойдет что-то непредвиденное, сразу же звони мне. Для полного восстановления ей нужно еще какое-то время проводить лечение, а также необходима срочная психологическая помощь. Она испытала глубокое потрясение... Если ее родные все же объявятся, то наверняка смогут оплатить лечение, и тогда ты вернешь мне деньги. То, что тебе доверено, надо беречь как зеницу ока.

Последнюю фразу я сказал в шутку. Фарид улыбнулся. Он, кажется, уже научился понимать мои шутки.

– Я тебе не дурак, чтобы возвращать деньги. Я еще с тебя деньги сдеру, – сказал он и тут же обнял меня. – Спасибо, брат. Да наградит тебя Аллах!

Расставшись с Фаридом, я в последний раз зашел навестить больную. Она тихо лежала на кровати и глядела в потолок.

– Ханым, простите, но я не знаю вашего имени, – сказал я. – Скоро вы поправитесь и вернетесь к нормальной жизни. Если вам понадобится помощь, смело обращайтесь к доктору Фариду. Если будет нужно, можете позвонить мне. У Фариды есть номер моего телефона. Ханым, у меня есть к вам одна просьба. Сейчас я дам вам бумагу и ручку. Пожалуйста, напишите свой номер телефона и адрес.

...Девушка писала с большим трудом. Внезапно ее пальцы ослабли, и она уронила ручку на пол. Я взял ее за руку.

– Что с тобой? – сказал я. – Если тебе трудно, можешь не писать.

Она отвернулась, стараясь спрятать свое изувеченное лицо. Я взял ее за подбородок и посмотрел в глаза. В глазах ее стояли слезы.

– Хорошо, хорошо, не плачь, – стал успокаивать я ее, чувствуя на своем лице ее теплое дыхание. Она тихо плакала. Мне было жаль девушку, и я не знал, как ее успокоить. Временами мне казалось, что она чем-то похожа на Тути Бикия. Но в душе тут же упрекал себя за эти мысли: «Тебе везде мерещится Тути. А она наверняка уже замужем и имеет ребенка...»

Когда медсестра протянула мне ручку и листок, я очнулся. Не читая содержимого записки, я тут же спрятал ее в карман.

– До тех пор, пока больная в клинике, ей каждый день будут приносить еду. Я дам вам деньги, покупайте ей все, что она пожелает. Да, купите ей еще приличную одежду. Если нужна будет помощь, обращайтесь к доктору Фариду. Я буду держать с ним связь.

– Будет сделано, доктор! Вы сделали доброе дело, и она будет благодарна вам всю свою жизнь. Сколько лет я работаю, но никогда не встречала таких людей, как вы.

– Большое спасибо, – поблагодарил я медсестру за теплые слова, затем вновь повернулся к больной. Видимо, она слышала, о чем мы говорили, и в душе я упрекнул себя за то, что завел при ней этот разговор. – Я уезжаю, – сказал я девушке на прощание. – Не знаю, увидимся ли мы снова. Все в руках Бога. В любом случае не нужно быть пессимистом. Я покидаю вас с надеждой, что мы когда-нибудь снова встретимся и пожмем друг другу руки. Скорейшего выздоровления. До свидания!

Я чувствовал, что она не хочет, чтобы я уходил. Я сделал знак медсестре, чтобы она

оставила нас на минуту, затем взял руку больной девушки и поцеловал. Погладив ее по голове, я на прощание подмигнул ей – и вышел из палаты. Медленно спускаясь по лестнице, я вспоминал последнюю встречу с Тути Бикия. Она также не хотела отпускать меня...

Я засунул в карман руку и нащупал бумагу. Это была записка, которую написала моя пациентка. Я стал читать: «Спасибо тебе за все! Жаль, что ты уезжаешь. Мне еще так много нужно сказать тебе. Надеюсь, что мы еще встретимся. Когда вернешься в Баку, пожалуйста, найди меня. Целую руки, которые вернули меня к жизни. Мое имя...» Она не успела дописать, потому что уронила на пол ручку...

Остановившись, я хотел было вернуться назад, но затем передумал...

С того дня, как я уехал из Баку, прошло уже полгода. До защиты диплома оставалось несколько дней. Все это время я часто звонил родителям, а также своему другу Фариду. Все было в порядке. Моя пациентка полностью поправилась и вернулась домой. По словам Фариды, через несколько дней после моего отъезда нашли ее родные.

... Во что бы то ни стало я должен был забыть Тути Бикия. Раньше она часто приходила ко мне во сне, но теперь снилась мне все реже и реже. Однако с той поры, как я уехал из Баку, мне часто стала сниться моя больная. Она представляла передо мной в образе Тути Бикия, но, присмотревшись внимательно, я видел свою пациентку, которая, лежа на кровати, протягивала ко мне руки. «Азер, возвращайся», – звала она меня.

Наконец-то настал день защиты диплома. Она прошла с большим успехом. Мой научный руководитель гордился мною, и все вокруг искренне поздравляли меня. Краем уха я даже слышал, что меня собираются оставить при университете. Первым делом по телефону я поделился своей радостью с родителями. Они были несказанно рады и настаивали на том, чтобы я немедленно приехал домой и немного отдохнул. Затем я позвонил Фариду. Он очень обрадовался и сказал, что ждет меня с большим нетерпением.

Вечером мы собрались с друзьями, чтобы отпраздновать мою защиту. Вся компания была в сборе. В мой адрес было сказано немало хороших слов, мы шутили, рассказывали друг другу анекдоты, в общем, неплохо веселились.

Вдруг зазвонил телефон. Это звонил из Баку Фарид.

– Азер, – сказал он, – у тебя какой-то праздник?

– Ты прав, я праздную с друзьями защиту.

– Тебе не стыдно? – возмутился он. – Сообщил бы мне заранее и я бы приехал. Когда же ты, наконец, станешь человеком?

Фарид был прав. Если бы я сказал ему об этом за день раньше, он был бы уже здесь. Чтобы выйти из затруднительного положения, я пытался отшутиться:

– Молодо-зелено... Я совершил непоправимую ошибку...

– Если ты такой дурачок в молодости, что же тогда будет с тобой в старости? Станешь полным болваном.

– Хватит издеваться, а не то приеду и изобью тебя на глазах у всего персонала, – вновь пошутил я, а затем серьезно добавил: – Дорогой друг, я не хотел, чтобы ты тратился на поездку. Когда приеду в Баку, то обязательно отпраздную с тобой и с нашими общими друзьями мою победу.

– Слушай, о каких расходах говоришь? Поздравляю тебя! Те деньги, которые ты заплатил за лечение пациентки, никто не взял: ни доктор, ни гинеколог, ни даже руководство клиники. Кстати, я звоню тебе, чтобы сообщить кое-что важное.

– Наверняка какое-нибудь поручение от моей матери. Жениться, жениться и еще раз жениться! Вот скоро приеду домой, устроишь для меня конкурс красоты, и среди множества красавиц я выберу себе подходящую жену.

– А может, выберешь сразу трёх?

– Возможно, и так. Ведь наша религия это позволяет.

– Хорошо, слушай. В нашу клинику приходила мать спасенной тобой девушки. Она

от всего сердца поблагодарила нас за спасение дочери. Затем попросила дать твой номер телефона. Но я отказался, хотел сначала посоветоваться с тобой. Дочь сказала матери, что у меня есть твой номер телефона, и что ты разрешил ей звонить, если понадобится.

– Это правда. Видимо, хотят поблагодарить меня лично. Ты взял их номер телефона?

– Да, взял.

– Тогда, пожалуйста, дай мне номер, я запишу его. Спасибо! Найду время, позвоню. А ты готовься к моему приезду. Сделай так, чтобы в аэропорту меня встречали с цветами представители средств массовой информации. Смотри, чтобы все было на высшем уровне.

– В этом году была засуха, все цветы завяли, а представители средств массовой информации отправились в отпуск. Я сам тебя встречу с цветами из моего сада.

– Еще раз спасибо!

Празднование защиты продолжалось до глубокой ночи, затем все разошлись по домам, довольные и веселые.

На следующий день я встал довольно поздно. Всю ночь я видел во сне свою пациентку в белом свадебном платье, но она опять была похожа на Тути Бикия. Будто это были две половинки одного яблока.

– Неужели не узнал меня? – спросила она. – Быстро же ты забыл обо мне!

Растерянно глядя на нее, я боялся сказать ей, что она и есть Тути Бикия...

Какая-то сила вдруг заставила меня набрать номер телефона, который дал Фарид.

– Алло!

– Да! – послышался голос в трубке.

На секунду растерявшись, я тут же постарался взять себя в руки:

– Мне ваш номер дал доктор Фарид. Простите, но я не знаю вашего имени, вы та девушка, которую ... – Я не сказал слово «больная» умышленно. Слова словно застряли в горле.

– Азер, Азер, это я...

В трубке послышался женский плач. Меня словно поразило громом. «Что это, сон или я схожу с ума?!» – подумал я и слегка ударил себя по щеке.

Я был сильно взволнован и все повторял: «Алло, алло!»

– Девушка, – наконец сказал я. – Почему вы так горько плачете?! Хотя бы назовите свое имя!..

Она продолжала плакать. Ее плач напомнил мне рыдания Тути Бикия, когда мы виделись с ней в последний раз.

– Алло, алло! – в трубке послышался другой голос.

– Да, я вас слушаю!

– Сынок, Азер, это я, тетя Наргиз, – ее голос дрожал.

– Какая тетя Наргиз?! Может, вы ошиблись номером? Я вас слушаю, но вспомнить пока не могу.

– Тогда дай мне сказать, а вспомнишь ли ты меня или нет, это уже неважно, – сказала она дрожащим голосом. – Да хранит тебя Аллах, сынок. Ты снова вернул нас к жизни. Сейчас я обращаюсь к тебе не как к врачу, спасшему жизнь моей девочке, а как к родному сыну. Спасибо тебе за Тути Бикия. У меня есть к тебе одна просьба. Когда приедешь в Баку, обязательно навести нас. Сынок, мы будем с нетерпением ждать тебя. Обязательно приходи, обязательно...

Как могло такое случиться, что я не узнал голос Наргиз ханым? Это, безусловно, было последствием шока, который я испытал. Отключив телефон и отбросив его в сторону, я бросился на кровать и зарыдал как ребенок. Почему это произошло со мной?! Неужели для того, чтобы обрести счастье, нужно много страдать? Я не знал, будем ли мы вместе с Тути Бикия или расстанемся с ней навсегда. Но теперь пути назад уже не было!

Всю ночь я почти не спал и только к утру крепко заснул. Во сне ко мне вновь пришла Тути Бикия в светло-розовом платье. Она была так хороша, что я словно опьянел от

ее красоты. Я пытался ей что-то сказать, но губы меня не слушались.

– Азер, это я, твоя Тути Бикия, – говорила она. – Ты очень счастливый человек, ведь так, как я, тебя никто не будет любить. Приди ко мне скорей, приди...

Я открыл глаза. Комнату наполнили звуки азана. Я вспомнил свой сон. Быстро вскочив с кровати, я нашел телефон и тут же позвонил Наргиз ханым.

– Тетя Наргиз, прошу простить меня. Я не узнал вас. У меня праздник, я защитил свой диплом, но в Анкаре у меня остались еще кое-какие дела. Закончив их, я сразу же вернусь в Баку. Как себя чувствует Тути Бикия? Может, ей нужны какие-нибудь лекарства? Если вы считаете меня своим сыном, просите все, что хотите.

– Большое спасибо, сынок! От всей души поздравляю тебя! Ты этого достоин!

Что говорила дальше Наргиз ханым, я уже не слышал. В душе я упрекал себя за то, что не узнал голос Тути Бикия. С другой стороны, я нашел себе некоторое оправдание. Ведь я думал, что она уже замужем. Откуда я мог знать, что девушка, которую я вытащил с того света, – моя Тути Бикия. Может, это судьба? Может, так было нужно и счастье бывает именно таким?

Выйдя из дома, я первым делом отправился покупать билет. Затем прошелся по магазинам, чтобы закупить подарков родным, а также для Наргиз ханым и Тути Бикия.

Я с нетерпением ждал наступления рассвета. Я не знал, что уготовила мне судьба, однако эти два дня, которые подарил мне Бог, были самыми счастливыми в моей жизни.

Когда самолет приземлялся, я нетерпеливо поднялся со своего места. Ко мне бросилась стюардесса и попросила сесть на место. Я сказал ей, что мне стало дурно, и послушно сел на место. На самом деле мне не терпелось увидеть Тути Бикия.

Когда я вошел в дом, то прямо с порога бросился на шею матери. Подхватив маму на руки, я покружил ее по комнате и расцеловал.

– Ах, сынок, еще немного, и у меня сердце выскочит из груди. Что случилось?

– Ой, мама, ты не представляешь, какой в самолете нам закатали пир. Прямо с мангала подали шашлыки. Да буду я твоей жертвой, мама, скоро мы закатим такую свадьбу!

– Верю, сынок. Когда самолет пролетал над нашим домом, все вокруг почувствовали запах шашлыка. Это, видимо, был тот самый самолет. А теперь скажи, о какой свадьбе идет речь?

– Я тебя опережу, мама. Теперь ты скажешь, что я защитил диплом и наконец могу жениться.

– Конечно, скажу. Ты же дал нам слово.

Мы прошли в гостиную. Я был очень счастлив и хотел поскорее увидеть Тути, чтобы поговорить с ней.

– Дорогая мама, я должен срочно кое с кем встретиться. Мне передали кое-какие вещи, и я должен доставить их по адресу. Через час-два я вернусь, и мы продолжим наш разговор. На этот раз все серьезно.

Я принял душ, выпил стакан чаю и, прихватив с собой подарки, вышел из дома.

Когда я подходил к дому Тути Бикия, у меня затряслись колени. Я взглянул на их окно. Как и раньше, за окном стояла Тути Бикия и смотрела на меня. Но на этот раз она не махала мне рукой. «Наверное, брат ее находится дома», – подумал я.

Дверь открыла Наргиз ханым. Она крепко обняла меня и поцеловала. Но Тути Бикия не показывалась. Я не понимал, почему она не вышла меня встречать.

Наргиз ханым сразу же заметила мое смятение.

– Как ты, сынок? – спросила она. – Поздравляю тебя! Я очень рада за тебя, горжусь твоими успехами. Ты вернул мне мою дочь. Она обо всем мне рассказала...

Она говорила, и на лице ее отражались все ее переживания. За время, прошедшее после последней нашей встречи, она сильно постарела и осунулась.

– Тетя Наргиз, – начал было я. – Как дела у Гаджара? Почему Тути Бикия не захо-

дит в комнату?

Она опустила голову, губы ее задрожали.

– Гаджара нет, – сказала она. – А Тути Бикия дома. Говорит, что стесняется врача.

– Тетя Наргиз, о чем вы говорите? – не выдержал я. – Пациент не должен стесняться врача. Прошу вас, позовите ее. Мне нужно серьезно поговорить с ней, а затем я уйду.

– Сынок, не торопись уходить. Мы приготовили для тебя ароматный плов. Но сначала я хочу сделать тебе подарок. Надеюсь, ты не обидишься.

Она вышла в другую комнату и возвратилась со шкатулкой в руках. Вынув из шкатулки кольцо, она стала рассматривать его.

– Азер, дорогой мой сынок, – сказала Наргиз ханым. – Это кольцо очень старинное. Мне его подарила свекровь, когда я пришла невесткой в дом мужа. Она попросила меня не продавать его. Мне не суждено привести невестку в дом, и поэтому это кольцо я хочу подарить тебе. Ты вернул мне дочь, и я прошу тебя принять этот подарок.

Я взял кольцо и повертел его в руках. Украшенное брильянтами, оно и вправду было прекрасным.

– Большое спасибо! – сказал я с иронией и положил его на стол.

– Спасибо, сынок! Только не истолковывай мой поступок превратно. Теперь я спокойна. А сейчас попробуем плов, который мы приготовили для тебя с Тути Бикия.

Наргиз ханум положила на середину стола плов и лявянги из курицы. Запах плова наполнил ароматом всю комнату.

– Ну, сынок, о чем задумался? Приступай к еде.

Увидев, что я не притрагиваюсь к плову, Наргиз ханым спросила:

– Азер, что с тобой? Может, я тебя чем-то обидела?

– Нет, не дай Бог. Просто у меня нет аппетита.

– Как говорили наши предки, аппетит приходит во время еды. Ешь, сынок, и аппетит появится.

– А наши предки не говорили, что за столом должна собираться вся семья? – внезапно осмелел я. – Если Тути Бикия не присоединится к нам, я есть не буду и не приму вашего подарка.

Наргиз ханым растерялась. Она чувствовала, что я настроен решительно. Ничего не сказав в ответ, она тут же вышла из комнаты. Сегодня я должен был поставить в отношениях с Тути Бикия точку. Либо я женюсь на ней и стану самым счастливым человеком в мире, либо навсегда уйду из ее жизни.

Наргиз ханым вернулась в комнату одна.

– Ах, сынок, как я ее ни уговаривала, она отказывается войти в комнату. Говорит, пусть он меня простит, но я не смогу выйти к нему.

Отпив глоток воды, я встал из-за стола.

– Тетя Наргиз, – сказал я. – Прошу вас простить меня. Когда я шел к вам, мне казалось, что счастье улыбнулось мне. Но теперь я вынужден уйти. Я ухожу с тяжелым грузом на сердце. Больше я вас беспокоить не стану. До свидания!

Наргиз ханым застыла на месте. Мне показалось, что она вот-вот расплачется.

Она бессильно опустила на стул, а я решительным шагом вышел из комнаты. Я открыл дверь, чтобы уйти, как услышал за спиной тихий голос:

– Азер, стой! Прошу тебя, не уходи, не то я умру!

Я обернулся, передо мной стояла Тути Бикия. Я обнял ее, и теперь мы стали словно единым целым. Я чувствовал ее дыхание на своем лице, вдыхал запах ее волос и был безмерно счастлив. Наконец я сказал:

– Тути, перестань плакать, возьми себя в руки. Давай пройдем в комнату.

Взявшись за руки, мы вошли в гостиную. Наргиз ханым продолжала сидеть на стуле и тихо плакать. Отпустив руку Тути Бикия, я тут же дал Наргиз ханым воды, чтобы она

успокоилась. Я не знал, что произошло в этом доме, и должен был избавить его от негативной энергии.

– Тетя Наргиз, – сказал я. – Вот, я привел Тути Бикия. Пожалуйста, идите умойтесь. Тути, помоги маме.

Она подбежала к матери и, взяв ее под руку, отвела в ванную. Я же стал рассматривать развешанные на стенах картины. На глаза мне вдруг попались портреты Тути Бикия и Гаджара, которых я не заметил в прошлый раз. Я тут же сфотографировал их на свой мобильный телефон...

Через некоторое время мы втроем сидели за столом. В комнате стояла тишина, лишь слышался звон столовых приборов. Я с аппетитом ел плов и время от времени поглядывал на Тути Бикия. Она была очень красива. Заметив мой взгляд, девушка покраснела. После плова мы стали пить чай.

– Тетя Наргиз, – первым нарушил я тишину. – Вижу, что вы чем-то сильно обеспокоены. Что же у вас произошло?

– Мама, может, не надо, а то опять тебе станет плохо, – сказала матери Тути Бикия.

– Нет, дочка, не беспокойся. Все хорошо. В любом случае, я должна все рассказать Азери. – Наргиз ханым на секунду замолчала, затем отпила глоток чая и стала рассказывать: – Сынок, когда ты ушел, Тути Бикия не могла найти себе места и все время плакала. Она отказывалась от еды, и я сильно беспокоилась за ее здоровье. Однажды я ей сказала, что умру, если с ней что-нибудь случится, и мне удалось заставить ее немного поесть. Покойный Гаджар очень сожалел о содеянном...

– Как, Гаджар умер?! – воскликнул я. – Ведь он...

– Будь терпеливым, сынок. Как бы мне ни было тяжело, я расскажу тебе всю правду. Да, моего сына уже нет в живых, но дочка Тути Бикия, слава Богу, жива и здорова. И теперь у меня нет никого, кроме нее. Друг Гаджара Гаянар вышел из тюрьмы через два месяца после твоего ухода. Не прошло и месяца, как умерла его мать. После сорока дней Гаджар собрал вещи Тути Бикия и отправил ее к Гаянару. Его дом находится неподалеку. Прошел год. Гаянар никуда не пускал Тути и даже нанял для нее надсмотрщика. С его разрешения мы могли встречаться с ней только раз в месяц.

Однажды, когда я находилась дома одна, у меня резко поднялось давление. Дрожащими руками я позвонила сторожу Тути Бикия, Мардану киши, и попросила сообщить ей о моем состоянии. Через пять минут Тути была уже здесь. Она вызвала скорую помощь. Врач сделал мне укол, и я почувствовала себя немного лучше. Тути Бикия побоялась оставить меня одну и поэтому провела со мной несколько часов. Вечером вернулся Гаджар и проводил сестру домой. Не успел он вернуться, как в квартиру постучали. На пороге стоял Мардан киши. Тяжело дыша, он выпалил:

– Гаджар, скорее, Гаянар убьет твою сестру...

Несчастный мой мальчик босиком побежал по лестнице вниз. Мое сердце не выдержало, и я кинулась следом за ним. Запыхавшийся Мардан киши ждал меня во дворе.

... Открыв калитку, мы вошли в дом Гаянара. Вокруг стояла тишина... Мы вошли в дом... Лучше бы я этого не видела... Моя доченька, мой ребенок был в таком состоянии...

Она замолчала. Ей трудно было говорить. Мы дали ей воды. Немного успокоившись, она продолжила:

– Тути Бикия была вся в крови. Гаджар сидел на полу, прислонившись спиной к стене и прижимая руку к груди. Громко рыдая, я тут же подбежала к нему. «Гаджар, сынок!», – закричала я. Он с трудом открыл глаза и, глядя на меня, постарался улыбнуться.

– Мама, не дай умереть Тути Бикия, – с трудом произнес он. – Найди Азера. Я же скажу, что сделаю вам сюрприз. Будь сильной! Тути должна жить...

Он замолчал, изо рта пошла кровь, голова упала на грудь. Я завывала, словно волчица. Затем... затем ничего не помню. Через несколько дней я очнулась в больнице.

О том, что Тути Бикия жива, мне сообщил Мардан киши. Через день после твоего отъезда меня привели к дочери. Как сообщили мне потом полицейские, Гаджар, увидев свою сестру всю в крови, прошел в кухню, взял большой острый нож и несколько раз ударил им Гаянара, который нагло развалился на кровати. Когда он поспешил на помощь к сестре, Гаянар сзади выстрелил в него из пистолета, и Гаджар медленно сполз по стене на пол... С тех пор я ношу траурную одежду. Вчера я видела Гаджара во сне. Он улыбался. Видимо, ему стало известно, что ты снова появился в нашей жизни. После твоего прихода наш дом словно ожил. Сынок, раз мы начали этот разговор, я объясню тебе, почему Тути Бикия не хотела встречаться с тобой. Услышав о том, что ты придешь к нам, она сначала обрадовалась, но затем горько заплакала. Это произошло после разговора с тобой по телефону. С того дня она не могла найти себе места и постоянно твердила, что не сможет показаться тебе на глаза. «Кому нужна женщина, – говорила она, – которая была уже замужем? Он достоин самого лучшего...»

– Тетя Наргиз, хватит, достаточно. Не мучьте себя. Знаю, ваше горе безмерно. Но надеюсь, что все ваши горькие воспоминания останутся теперь позади, и впереди нас ждет только хорошее. Считайте меня своим сыном. Я всегда буду рядом.

– Да благословит тебя Аллах, сынок!

– Тетя Наргиз, а теперь разрешите мне покинуть вас, – сказал я. – Я вижу, что вы сильно устали. Рассказав мне о своем горе, вы словно вновь пережили события того дня.

Я вышел из комнаты и направился в кухню. Тути Бикия, положив голову на стол, горько рыдала.

– Если бы я знал, что ты будешь так горько плакать, я бы не пришел, – сказал я ей.

Подняв голову, она взглянула на меня. Ее прекрасные глаза опухли от слез.

– Я плачу оттого, что жизнь моя теперь сломана. Я не могу рассказать тебе всего. И даже если расскажу, какая от этого польза? Возможно, тогда ты больше не захочешь меня видеть. Прости меня, Азер, ты...

Она вновь заплакала. Взяв ее за руку, я притянул ее к себе и погладил по голове. Затем поцеловал в лоб и сказал:

– Приведи себя в порядок, Тути, и приходи в комнату. Там все и обсудим.

Я прошел в гостиную. Наргиз ханым стояла у окна и глядела во двор. Занавески были полностью отодвинуты в сторону, и комната наполнилась светом.

– Тетя Наргиз, – обратился я к ней. – Я должен уйти.

– Что мне сказать, сынок, воля твоя! Постой секунду. Куда ты положил кольцо? А, вот оно! Не обижай меня, возьми подарок.

Она взяла со стола кольцо и протянула его мне. Не сказав ни слова, я тут же положил его в карман. В это время в комнату вошла Тути Бикия.

– Тетя Наргиз, может, вам это не понравится, но я не могу принять такой дорогой подарок. – Я вынул кольцо из кармана.

– Почему, сынок? Подаришь его своей будущей жене.

– Тетя Наргиз, так вы говорите, чтобы я подарил кольцо своей будущей жене?

Тогда простите меня за то, что я сейчас сделаю.

Я схватил Тути Бикия за руку и тут же надел на ее палец кольцо. Растерявшись, мать и дочь недоуменно переглядывались друг с другом, не понимая, что я хочу этим сказать: то ли я возвращаю кольцо, то ли делаю предложение Тути Бикия.

Чтобы обрадовать их, я сказал:

– Тетя Наргиз, скоро я надену на палец Тути Бикия настоящее обручальное кольцо. А кольцо, которое подарили мне вы, я дарю любимой девушке... Пусть будет счастлива!

Наргиз ханым готова была пуститься в пляс.

– Азер, сынок, – сказала она, сияя от радости. – Когда я впервые увидела тебя, ты мне сразу же понравился. Я всегда мечтала о таком зяте, как ты. Сегодня я очень счаст-

лива. Ведь каждая мать хочет видеть своего ребенка счастливым. Теперь ты должен посоветоваться с родителями и подробно рассказать им о нашей семье.

– Тетя Наргиз, мои родители всегда мечтали о такой невестке, как Тути Бикия. А теперь, с вашего разрешения, я покину вас. Да, у меня к вам есть одна просьба.

– Я слушаю тебя, сынок!

– Завтра я хочу отвезти Тути Бикия в клинику. Ей нужно провести полное обследование. Если хотите, заодно проверим состояние и вашего здоровья.

– Я не возражаю, сынок. Осталось сделать самое главное – рассказать обо всем твоим родителям. Пусть Аллах благословит тебя!

Когда я вышел во двор, вокруг радостно щебетали птицы. Теперь жизнь мне казалась удивительной и прекрасной! Я поднял голову и взглянул вверх. За окном стояла Тути Бикия и махала мне рукой. Я летел домой, как на крыльях.

...Отец еще не вернулся с работы. Я все еще находился под впечатлением сегодняшнего дня и думал только о Тути Бикия.

Я знал, что мама вновь заведет разговор о женитьбе. И предчувствие меня не обмануло.

– Азер, – начала было она. – Приезжая домой, ты целыми днями где-то пропадешь, и мы тебя почти не видим. Давай поговорим серьезно и поставим на этом точку. В прошлый раз ты не ответил, собираешься ты жениться или нет? И что в итоге? Мы упустили прекрасную девушку – дочку Ислама. Благодаря ему ты мог бы достигнуть многого. Но пока ты думал, «унесли потоки Сару». Очень жаль...

Я молча выслушал ее и очень обрадовался, когда узнал, что дочка Ислама вышла замуж. Мне не терпелось рассказать матери хорошую новость. Ведь она мечтала потанцевать на моей свадьбе.

– Во-первых, сначала я хочу пожелать семье Ислам-муаллима здоровья, а его дочери – счастья. Во-вторых, приготовься, я покажу тебе фотографию одной девушки. Если она тебе понравится, дай мне сигнал, – пошутил я.

Я увеличил портрет Тути Бикия на экране мобильного телефона и показал маме. Она с интересом стала разглядывать фотографию, и я чувствовал, что Тути Бикия ей понравилась.

– Ну что, она тебе понравилась? – перешел я в наступление.

– Не то слово! – она отвела взгляд от экрана телефона. – Где ты нашел такую красавицу? Я просто влюбилась в нее.

– Нет, мама, я пока что никого не нашел. Этот портрет я сфотографировал в музее. Подумал, сфотографирую, покажу маме и, если ей понравится, найду точно такую же девушку и женюсь на ней.

Мать изменилась в лице, и я пожалел, что так жестоко подшутил над ней.

– В последний раз прошу тебя, перестань издеваться надо мной. Ты полный дурак! Убирайся! Видеть тебя не могу! – накричала она на меня, разозлившись не на шутку.

Чтобы как-то успокоить маму, я обнял ее за шею. Она пыталась освободиться из моих объятий, но у нее не хватало сил.

– Мама, прошу тебя, – взмолился я. – Прости меня в последний раз. Я совершил большую ошибку. Но я действительно люблю девушку, которую ты видела на фотографии. В жизни она еще красивее...

Мама многозначительно посмотрела на меня, и я рассказал ей историю Тути Бикия.

– Бедная девочка! – воскликнула она. – Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

– Если бы я знал, какие страдания выпадут на долю Тути Бикия и ее семьи! Как говорится в пословице, «Пришла беда, отворяй ворота».

– Хорошо, сынок! Когда придет отец, я с ним об этом поговорю. Пусть он тоже вы-

скажет свое мнение...

Вечером мы вместе поужинали. Затем отец поинтересовался, как у меня дела и что я собираюсь дальше делать. Я ответил, что у меня все в порядке, и, если я найду в Баку работу в хорошей клинике, то останусь, конечно же, здесь. В противном случае вернусь на некоторое время в Турцию.

С разрешения отца я вышел из комнаты, чтобы позвонить Тути Бикия. Трубку подняла Наргиз ханым. Поздоровавшись с ней, я попросил позвать к телефону Тути. Мы с ней немного поговорили и условились встретиться на следующий день, затем распрощались. Через некоторое время мама позвала меня в комнату. Отец попросил ее принести нам чай. Некоторое время мы оба молчали. Мама принесла чай и присела возле меня. Выпив стакан чая, отец завел разговор о моей женитьбе.

– Азер, – твердо сказал он. – Долгое время между нами стояла незримая стена. И теперь настало время разрушить ее. Давай поговорим с тобой как мужчина с женщиной. Молодец, сынок, я горжусь тобой, ты стал самостоятельным человеком. Я хочу, чтобы между нами установились доверительные отношения.

... Отец всегда был строг с нами. Он не любил праздных разговоров, не любил шутить и смеяться. Мы редко видели улыбку на его лице. В молодости он часто сталкивался с несправедливостью. Видимо, именно поэтому он почти никогда не улыбался.

– Сынок, – продолжал он, – я с уважением отношусь к твоему выбору и не против того, чтобы ты женился. Однако прошу тебя не торопиться с этим делом и немного подумать. Ты парень видный, умный, к тому же еще и хороший врач. Ты должен жениться на образованной, умной и целомудренной девушке. Меня не интересует, богата она или бедна. Но я хочу, чтобы она стала тебе верной женой, а также относилась с уважением к твоим родителям. Сначала познакомь свою избранницу с мамой, пусть они поговорят. Это очень важно. А потом мы посмотрим...

Я, опустив голову, не смел поднять глаза. От волнения у меня тряслись руки. Отец сейчас разговаривал со мной не как с сыном, а как с близким другом. И это смущало меня.

... В тот день я заснул крепким, спокойным сном, словно не спал уже много лет. И если бы утром мама не разбудила меня, я бы продолжал все еще спать. Умывшись и позавтракав, я вышел из дома. Подходя к дому Тути Бикия, я взглянул на ее окно. Стоя у окна, она махала мне рукой.

Дверь открыла Наргиз ханым. Мы поздоровались.

– Сынок, – сказала она с легкой укоризной. – Зачем ты так беспокоишься? Спасибо тебе, конечно, за подарки, но ты только закончил учебу и тебе не стоило так тратиться.

– Тетя Наргиз, еще студентом я зарабатывал деньги самостоятельно. Работал и одновременно учился. И, слава Аллаху, в материальном плане у меня все в порядке...

Стоя в стороне, Тути Бикия с удовольствием слушала наш разговор.

– Доченька, – подозвала ее мать. – Почему ты не здороваешься с Азером?

Я взял любимую за руку, она покраснела...

Затем, сидя за столом, мы пили чай, и я напомнил Наргиз ханым наш вчерашний разговор. Она сначала взглянула на дочь, потом на меня. Видимо, не знала, что ответить.

– Сынок, – наконец сказала она. – Я ничего не имею против, но сама пока идти в клинику не собираюсь. Пусть это останется на потом. Сначала нужно провести обследование Тути Бикия. Доченька, иди, собирайся!

Когда Тути Бикия вышла переодеться, Наргиз ханым, подсев ко мне, тихо спросила:

– Сынок, ты поговорил со своими родителями?

– Конечно, поговорил, – ответил я, чувствуя ее волнение. – Отец поручил маме познакомиться с Тути Бикия.

– А ты рассказал родителям о том, что с ней произошло?

– Отцу, конечно же, я не смог об этом рассказать, но мама обо всем знает. На самом

деле мои родители не против моей женитьбы.

И я тут же рассказал Наргиз ханым о моем разговоре с отцом.

– Вот видишь, Азер, родители беспокоятся о твоём будущем. Они правильно думают. В этом деле нужно все сто раз отмерить и один раз отрезать. Сынок, поговори со своей мамой. Может, она захочет прийти к нам в гости.

Мы с Тути вышли из дома. Я не верил, что она находится здесь, рядом со мной. Немного погодя я взял ее за руку.

– Азер, стыд-то какой, – вдруг испуганно сказала она. – Отпусти, пожалуйста, мою руку, вдруг нас кто-нибудь увидит?

– Тути, не делай так, чтобы я залез на верхушку вон того дерева и стал кричать на всю округу, что люблю тебя.

Она покраснела, и от этого стала еще прекрасней. Проходившие мимо люди удивленно оборачивались нам вслед. И Тути Бики ужасно стеснялась.

Мы приехали в клинику и поднялись в кабинет Фариды. Я постучал, но никто не ответил. Я толкнул дверь, и она открылась. Мы прошли внутрь и стали ждать Фариду.

– Тути, ты помнишь это место? – я взял ее за руку.

Она обвела комнату взглядом и, глубоко вздохнув, сказала:

– Если бы тебя не послал мне Бог, то вряд ли мы сейчас были бы вместе. Ты спас меня, Азер. Когда я слышала твой голос, мне хотелось кричать, хотелось взять тебя за руку, но я была не в состоянии это сделать. Но все равно я была счастлива, счастлива от того, что ты находишься рядом со мной. Помню тот день, когда ты в последний раз держал меня за руку, а я даже не смогла дописать свое имя. Когда ты уехал, для меня словно померк белый свет. Жизнь показалась такой бессмысленной и унылой. Мне не хотелось ни пить, ни есть, и только мольбы матери заставили меня вернуться к жизни. Мы много говорили о тебе, я рассказала маме о том, как ты ухаживал за мной, приносил мне еду. Ведь ты не узнал меня тогда, и для тебя я была посторонним человеком. Тогда мама без моего ведома стала искать тебя. Когда я услышала твой голос по телефону, от счастья у меня закружилась голова. Я долго рыдала. Твой голос вернул меня к жизни. Теперь все мои мысли были только о тебе. Я даже сейчас до конца не могу поверить, что ты находишься рядом со мной...

Послышался голос Фариды. Приоткрыв дверь, он еще некоторое время с кем-то разговаривал в коридоре. Затем он вошел в кабинет и стал вполголоса напевать песенку о любви. Замечу, что у него был неплохой голос, и он, еще когда учился в лицее, занимал первые места на различных музыкальных конкурсах. Я стал подпевать ему. Увидев меня, он не поверил своим глазам и тут же бросился мне на шею. Крепко обнимая, он поздравил меня с окончанием учебы.

– Я не узнаю эту красивую девушку, – сказал Фарид, глядя на Тути Бики.

– Дай Бог, узнаешь, проходи, садись.

Фарид нажал кнопку селектора и велел секретарше принести нам чай. Затем стал расспрашивать меня о родителях, время от времени поглядывая на Тути Бики.

– Девушка, которую ты видишь перед собой, моя невеста – Тути Бики, – сказал наконец я.

Фарид обрадовался, а затем, на секунду призадумавшись, серьезно спросил:

– Что ты твердишь: невеста-невеста! Раньше, когда я тебе говорил о женитьбе, ты просил оставить тебя в покое, говорил, что женился в Турции, что твоя избранница по профессии ветеринар и что у тебя есть ребенок, а скоро родится и второй.

Он говорил об этом так серьезно, что я стал даже сомневаться в себе. Я кинул взгляд на Тути Бики, она была бледна, как смерть. Она хотела было встать и уйти, но я схватил ее за руку и усадил на место. От волнения у меня проступил на лбу пот. Чтобы исправить как-то положение, я стал умолять Фариду:

– Фарид, будь милосерден, веди себя серьезно. Не делай так, чтобы я ушел отсюда раз и навсегда. Я-то ладно, но сжался над девушкой, скажи все, как есть.

– Хватит, скажи ей правду! – вскричал Фарид, затем, схватившись за живот и захлебываясь от смеха, повалился на диван.

Перестав смеяться, он серьезным тоном обратился к Тути Бикия:

– Сестра, сегодня я счастлив как никогда. Наконец-то мой друг, который никак не хотел жениться, теперь пополнит ряды нашей партии. Вам, может быть, покажется странным слово «партия». Так вот, я имею в виду партию женатых. Мы с удовольствием готовы принять Азера в наши ряды. Ур-р-а! Если оставить в стороне шутки, то вам, ханым, достался самый достойный из нас. Судьба улыбнулась вам. Создать семью легко, но чтобы сохранить ее, нужно приложить немало усилий. Счастье – это относительное понятие. Люди не могут быть всегда счастливы. Они проживают лишь мгновения счастья. Остальные прекрасные слова я оставлю на потом, на день вашей свадьбы.

Фарид подошел к Тути Бикия, пожал ей руку, затем обнял меня и поцеловал.

– Постарайся не говорить лишнего на моей свадьбе... – не выдержал я.

– И не надейся... – ответил он. – Но между нами говоря, брат, у тебя даже очень неплохой вкус. Молодец, ты выбрал самую красивую девушку в мире. Вы оба прекрасно подходите друг другу. Будьте счастливы!

Открыв ящик стола, он вынул оттуда сверток.

– Что это? – спросил я, совсем забыв о деньгах, которые отдал за лечение Тути.

– Азер, несколько месяцев назад ты лечил одну несчастную девушку. Можно сказать, вернул ее с того света. Помнишь, как ты ухаживал за ней, даже собственноручно кормил обедом, приготовленным твоей мамой. К тому же, ты полностью заплатил врачам и медсестрам за ее лечение. Можешь взять свои деньги обратно.

Он протянул мне сверток.

Я мельком взглянул на Тути Бикия. Смутившись, она покраснела.

Возвращая Фариду сверток, я сказал:

– Брат, давай пригласим наших друзей с их семьями в какой-нибудь хороший ресторанчик и отметим успешное завершение моей учебы. Но, пожалуйста, предупреди их, чтобы они вели себя прилично. Со мной будет моя невеста.

Я вновь мельком взглянул на Тути Бикия. Она довольно улыбалась.

– Ты снова начал?! – воскликнул Фарид.

– Кажется, нам нужно стать более серьезными... А теперь, Фарид, скажи, ты на самом деле не узнаешь эту девушку? Посмотри на нее повнимательней.

Фарид внимательно посмотрел на Тути Бикия и пожал плечами.

– Я вижу ее впервые...

– Нет, ты ее видел много раз, даже больше, чем я.

– Азер, повторяю, я не знаю эту девушку.

– Это та девушка, которой несколько месяцев назад я сделал операцию.

– Ты снова шутишь надо мной? – вскричал Фарид.

– Брат, я говорю правду. Я и сам тогда не узнал ее. Видимо, какая-то неведомая сила заставила меня спасти ее. И теперь мы встретились, чтобы никогда не расставаться.

Фарид удивленно посмотрел на меня. Повернувшись к Тути Бикия, он сказал:

– Что с вами произошло? Ведь...

Я не дал ему договорить.

– Я тебе расскажу об этом в следующий раз. Сейчас нужно сделать ей томографию.

– Нет проблем.

В итоге все оказалось в норме, и мы, попрощавшись с Фаридом, вышли из клиники. Я предложил Тути зайти в кафе, чтобы вместе поужинать. Но она отказалась. Я знал, что они с матерью испытывают финансовые затруднения и живут на одну пенсию Наргиз

ханым. Закупив продукты в одном из ближайших маркетов, мы отправились к ним домой.

Наргиз ханым приготовила нам ароматную долму. Долма была такой вкусной, но я не решился попросить добавки. Наргиз ханым это почувствовала.

– Азер, – сказала она. – Это настоящая гарабахская долма. Положить тебе еще?

– Нет, спасибо, – соврал я.

Мы выпили чай, а затем я отправился домой. Дома я рассказал маме о том, что в клинике Тути Бики провели полное обследование и что она совершенно здорова. Затем сообщил ей о предложении Наргиз ханым встретиться у них дома.

– Я поговорю с отцом, а потом мы решим, что делать дальше, – сказала мне мама.

Вечером за чаем мама сообщила отцу о предложении Наргиз ханым. Я встал, чтобы выйти из комнаты, но отец остановил меня.

– Сядь, – приказал он мне, и я вновь сел на место.

Отец провел рукой по своим седым волосам и, уставившись в одну точку, глубоко задумался. Было видно, что он искренне переживает за меня.

Наконец, глядя на маму, он сказал:

– Завтра же вместе с Азером отправляйся на встречу с семьей девушки. Мать девушки права. Главное – дом. Обращай внимание на все: на то, как они себя ведут, на чистоту в квартире. А потом расскажешь мне. Да, не ходите туда с пустыми руками, купите в магазине торт, конфеты...

Когда я вышел из комнаты, мать с отцом все еще продолжали разговаривать. Я тут же позвонил Тути Бики и сообщил ей, что завтра утром мы с мамой придем к ним в гости.

В понедельник, в 10 часов утра, мы вышли из дома. По дороге зашли в магазин и купили коробку конфет.

Наргиз ханым встретила нас очень приветливо. Но временами я замечал беспокойство на ее лице. Причина была ясна. Сегодняшний день должен был стать решающим в нашей судьбе. Мы прошли в гостиную и сели на диван. Тути Бики пока не показывалась.

– А где ваша дочка? Почему не заходит в комнату? – спросила мама у Наргиз ханым.

– Сейчас придет, она готовит нам чай.

Через некоторое время в комнату с подносом в руках вошла Тути Бики. Щеки ее пылали, и от этого она становилась еще краше. Поставив на стол армуды с чаем, она подошла к моей маме. Мама тут же обняла ее и крепко поцеловала.

– Как поживаешь, дочка, именно такой я тебя и представляла, – сказала она, с восторгом глядя на Тути Бики, а затем погладила ее по голове. – Давай, доченька, садись с нами пить чай.

Мама и Наргиз ханым пили чай и разговаривали на разные темы. Мы же с Тути молчали и только переглядывались друг с другом. Затем мама перешла к основному вопросу.

– Наргиз ханым, мой сын рассказал мне немного о вашей семье. Я слышала, что ваш муж был известным художником. Об этом говорят и развешанные повсюду картины. На вашу долю выпало немало бед. Пусть ваши сын и муж покоятся с миром. Но мне хотелось задать вам несколько вопросов. Ваша дочь, Тути Бики, она ведь была уже замужем?

– Айсима ханым, да благословит Бог вас и ваших детей. Я до конца жизни буду благодарна Азеру за то, что он сделал для нас. Эх, если бы они познакомились раньше. Но все зависит от воли Аллаха. Мой муж, отец Тути Бики, был родом из Хызы...

– Мой муж тоже оттуда родом, – неожиданно воскликнула моя мать. – Вдруг мы даже окажемся родственниками.

– Мой муж был художником. Может, вы его даже знаете? Это Юсиф Хаджахмедоглу.

– Как не знаю, знаю. Его знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Мой муж всегда гордился своим земляком.

– Большое спасибо, Айсима ханым! В том, что произошло с моей дочерью, виноват мой сын Гаджар. Я расскажу вам обо всем со всеми подробностями, чтобы в будущем

между нами не возникло никаких недоразумений. Находясь в тюрьме, мой сын проиграл свою сестру в карты одному из заключенных. Познакомившись с вашим сыном, он много думал о том, как помочь сестре, но выхода не находил. Ведь он дал слово и должен был сдержать его. Если вы хотите услышать об этом из уст самой Тути Бикия, то я не возражаю. Пусть она расскажет вам все сама, даже если это причинит ей боль.

Тути Бикия побледнела. Затем, тяжело вздохнув, начала свой рассказ.

– Его глаза налились кровью, взгляд был совершенно безумным. В глазах его не было ни капли жалости. Для него я была не невестой, которую он привел в дом, а вещью. Глядя на него, я вся дрожала... Вокруг воцарилась гнетущая атмосфера.

– Что ты стоишь?! – вдруг заорал он на меня. – Садись и слушай меня внимательно! С этого дня ты будешь делать все, что я тебе скажу.

Я присела на табуретку.

– С этого дня ты станешь служанкой в этом доме, – продолжал он. – Ты не будешь спрашивать меня, где я, куда отправился и когда вернусь. Это не должно касаться тебя. Теперь я расскажу тебе о своей жизни.

РАССКАЗ ГАЯНАРА

Мой отец был крупным чиновником, а мать – известным в городе гинекологом. Я был единственным ребенком в семье. Отец был очень строгим человеком, мама же имела кроткий характер и постоянно тряслась надо мной. У моего отца был довольно тяжелый характер, видимо, это было связано с его работой. Я знал, что он меня любит, но он никогда мне этого не показывал. На работе все его называли «правдолюбцем», потому что он был честным и добропорядочным человеком. Он не любил взяточников, льстецов и казнокрадов и всегда старался держаться от них подальше. Многим это не нравилось, и однажды его заманили в ловушку. Подложив деньги в ящик его стола, с помощью подставных лиц обвинили его во взяточничестве. Посадить не посадили, но заставили написать заявление об уходе по собственному желанию. В дальнейшем отцу не раз предлагали работу, но он всегда отказывался, предпочитая вести уединенный образ жизни. Он никуда не ходил и не отвечал на звонки. Но, что интересно, от его строгости не осталось и следа. Когда я приходил из школы, он интересовался моими отметками, мы часто беседовали, и он гладил меня по голове. Но я все же не мог понять его.

Однажды, сидя на крыльце дома, мы с отцом беседовали. Когда я спросил его, до каких пор он будет сидеть дома, как арестант, и не работать, он недоуменно посмотрел на меня, а затем сказал:

– Сынок, я не знал, что у меня будет такой конец. Эти несколько месяцев я много думал. Даже в страшном сне я не мог представить, что люди, с которыми я работал долгие годы бок о бок, люди, которых я считал своими друзьями, вонзят мне нож в спину. Почему? Зачем? До сих пор я не могу найти ответов на все свои вопросы. Сынок, у Фикрета Садыга есть одно стихотворение. Оно звучит примерно так:

*Мошенника поставили к стене
И выстрелили в него,
Пуля пролетела мимо.
Правдолюбца поставили к стене
И выстрелили в него,
Пуля попала прямо в цель.*

Эта пуля попала прямо мне в сердце. Мне мало осталось жить на этом свете, сынок. В первую очередь позаботься о маме. Она и так уже много страдала в жизни. Я очень доволен тобой, сын. Будь честным человеком, и тогда ты сможешь спокойно спать по

ночам... Прости, сынок, что я не был тебе хорошим отцом...

И однажды отец не встал с кровати. Натянув на лицо одеяло, он простился с этим бренным миром. Моя мама долгое время не могла прийти в себя, замкнулась в себе и постоянно о чем-то думала.

Я закончил школу и поступил в медицинский университет, в котором образование было платным. Однажды мама сообщила мне, что хочет продать дом, чтобы оплатить мою учебу и купить дом поменьше. «После смерти отца, – сказала она, – я не могу больше жить в этом большом доме». И хотя все в этом доме мне было дорого, как память об отце, я не стал возражать ей.

Мы дали объявление в газету «Биржа». Многие хотели купить наш дом, но цена, которую мы запросили, их не устраивала.

Однажды утром к нам в дверь постучали. Мне вдруг стало как-то тревожно на душе, словно какая-то неведомая сила не пускала меня подойти к двери. По настоянию матери мне все же пришлось открыть дверь, и в дом вошли несколько человек. Я узнал только одного из них – начальника ЖЭКа. Они начали расспрашивать маму о том, за сколько она продает дом, почему так дорого и отчего умер ее муж. Но самым удивительным было то, что больше всего они интересовались мной. Чем я занимаюсь, какое у меня образование и т. д. Только потом я понял, почему...

На следующий день я проснулся совершенно разбитым. Всю ночь мне снился мой отец. Он выглядел печальным и встревоженным. Отец пытался что-то сказать мне, но я не понимал его. Мне не хотелось идти на занятия, но в этот день в университете у меня должна была быть контрольная работа. С трудом одевшись, я съел две-три ложки каши и вяло поплелся на занятия. Когда я выходил со двора, меня вдруг окликнула мама.

– Сынок, подожди! Возьми с собой олады в школу, не оставайся голодным, – протянула она мне сверток.

Уходя, я обернулся и взглянул на мать. Она, казалось, была чем-то встревожена. Лицо ее было бледным, небольшая прядь почти уже седых волос падала на лицо, прикрывая один глаз. Подбежав к ней, я крепко обнял ее.

– Сынок, как ты вырос, возмужал! – сказала она мне на прощание.

Вот уже несколько дней мне казалось, что кто-то следит за мной. По дороге домой или в университет я часто встречал одного из тех мужчин, которые приходили к нам в дом насчет продажи дома.

Однажды, когда я стоял на остановке и ждал маршрутный автобус, напротив меня вдруг остановилась полицейская машина. Из машины вышли двое полицейских и направились в мою сторону. Я огляделся по сторонам, пытаюсь понять, куда они идут.

– Кажется, ты собираешься удрать от нас? – вдруг обратился ко мне один из полицейских. Ничего не понимая, я стал озираться по сторонам. Они вдруг скрутили мне руки и поволокли к машине. Мне стало страшно, я кричал и сопротивлялся. «Может, они меня с кем-то перепутали?» – думал я.

...Сидя в камере, я с трудом дышал, мне не хватало воздуха. В подвале было темно и сыро, и только слабые лучики света проникали сюда сквозь щели. Я не понимал, что происходит. Мысли мои были спутаны. Полицейские отняли у меня часы, подарок отца, и я не знал, который теперь час. Наконец открылась дверь, и помещение словно наполнилось свежим воздухом. В подвал вошел полицейский и приказал мне следовать за ним. Мы поднялись на третий этаж и остановились возле одного из кабинетов. Сопровождавший меня полицейский сначала постучал в дверь, затем открыл ее и пропустил меня вперед. В кабинете, во главе стола, сидел мужчина в гражданской одежде. Лицо его показалось мне знакомым. Это был один из тех мужчин, которые тогда приходили к нам в дом.

– Что ты на меня так смотришь? – спросил он меня.

– Несколько дней назад вы приходили к нам, чтобы купить дом, поэтому...

– Не говори глупостей. Во-первых, я вижу тебя впервые. Во-вторых, что ты мелешь, мне не нужен никакой дом. Вот тебе ручка и бумага, сядь и напиши обо всех своих делюшках. Если сделаешь чистосердечное признание, может, приговор будет более мягким...

Я стоял, как вкопанный, не веря своим ушам. Не зная его имени, я спросил:

– Муаллим, почему меня схватили и привели сюда? Меня, кажется, с кем-то перепутали...

Я полностью выбился из сил, мне было трудно говорить. Я взглянул на часы, висевшие на стене. Оказывается, я провел в камере около четырех часов.

– Я тебе не муаллим. Здесь полицейское управление, а я – заместитель начальника полиции, полковник Исабей.

– В чем же меня обвиняют?

– Тебя обвиняют в краже в особо крупных размерах.

– Исабей муаллим, – возразил было я. – Ведь я бедный студент. Утром я хожу на занятия, днем занимаюсь в библиотеке и к вечеру возвращаюсь домой. Вы и вправду меня с кем-то перепутали. Прошу вас, отпустите меня, моя мама, наверное, уже волнуется.

– Я видел немало таких, как ты, – сказал он презрительно. – Кто думает о родителях, не совершает противоправных действий. Ночью ты со своими поделеньками совершил кражу в сто тысяч манатов в одной коммерческой компании.

– Какой ночью? Когда это произошло?

– Не болтай попусту! – громко закричал он. – Тебе сейчас кое-что продикут, и ты должен будешь поставить свою подпись.

Его крик словно отрезвил меня. Перед глазами на мгновение возникли образы отца и матери. Я был растерян и вновь пытался понять, что же все-таки происходит.

– Исабей муаллим, – сказал я ему. – Прошу вас, следите за своими словами. Я простой студент и никогда ни у кого ничего не крал.

– Щенок, ты смеешь угрожать?! – закричал он. – Уведите его и объясните, что к чему.

Меня возвратили в камеру. Затем двое мужчин в масках стали нещадно бить меня по спине и животу. Не выдержав побоев, я потерял сознание...

Я не помнил, сколько времени пролежал без сознания. Очнувшись, я стал просить Аллаха вернуть меня к маме. Сейчас она, наверное, бросается от одной двери к другой, разыскивая меня.

Приоткрылась дверь. В камеру осторожно вошел человек и молча положил возле меня какой-то сверток. После слабого щелчка высоко под потолком слабо загорелась лампочка. Затем человек вышел, и дверь вновь закрылась.

Я не чувствовал своего тела, оно словно одеревенело. Превозмогая боль, я с трудом придвинул к себе сверток. Внутри оказалась пластиковая бутылка с водой. Я поднес бутылку ко рту. Мне казалось, что я не пил воды уже много лет. Зная о том, что после долгой жажды нельзя много пить, я сделал только пять-шесть глотков. В пакете также оказалось несколько ломтиков хлеба. Я съел немного хлеба и запил водой.

Я совершенно не знал, как мне быть и что делать дальше. Меня жестоко оклеветали, обвинив в краже, которой я не совершал.

... В понедельник утром меня вновь привели на допрос к Исабею. Когда я вошел в кабинет, он, сидя за столом, пил чай и одновременно говорил с кем-то по телефону, не раз упоминая газету «Биржа». Прекратив говорить по телефону, он обратился ко мне:

– Ну, как прошел твой выходной? Я слышал, мои люди тебя славно угостили. Вот так... Чего только не сделаешь ради дорогого гостя. Ха-ха-ха-ха.... – Он разразился идиотским смехом. Прекратив смеяться, Исабей устался в пол и после некоторого молчания обратился ко мне: – Как мне известно, ты являешься студентом медицинского университета, не так ли?

– Да, это так.

– Эх, лучше бы я стал врачом, – сказал он. – Ведь профессия врача намного лучше моей ... И знаешь, почему?

– Нет, не знаю, – ответил я.

Видимо, мой ответ ему не понравился.

– Придет время, узнаешь.

Благодаря Исабею я так и не смог стать врачом...

Тихо и вкрадчиво, с деланным сочувствием Исабей сказал:

– Мне жаль тебя. Не знаю, каким образом ты ввязался в это дело, но человек, прежде чем что-то сделать, должен все хорошенько обдумать. Теперь об этом поздно говорить, ведь ничего уже исправить нельзя. Скоро сюда привезут твою мать. Я поручил моим ребятам рассказать ей о твоём преступлении, так что веди себя смиренно. Ты же мужчина. Если ты сделаешь все, как надо, то долго в тюрьме не задержишься... Просто мне искренне жаль тебя.

Когда я услышал о матери, мне словно подарили весь мир. Войдя в кабинет, она сразу же бросилась мне на шею и стала жадно целовать. Подавляя плач, она затем обратилась к Исабею:

– Что это за напасть! Вы совершаете серьезную ошибку. В чем вина моего сына? Прошу вас, найдите виновного и отпустите моего мальчика. Ради Бога, скажите, почему вы не сообщили мне об этом раньше?..

Исабею, видимо, не понравились слова матери. Почесывая затылок, он тихо сказал:

– Гражданка, я вас очень хорошо понимаю. Это естественно, когда мать беспокоится о своем ребенке. Думаю, процесс надолго не затянется. Если вина вашего сына не будет доказана, то я лично приведу его к вам. Если же у вас возникнут какие-либо вопросы, мои сотрудники с удовольствием ответят на них.

Ничего не сказав в ответ, мама вновь бросилась мне на шею. Как врач, она сразу же догадалась, что меня сильно избили. Мама пыталась мне что-то сказать, но у нее словно отнялся язык. Я чувствовал, что теперь моя жизнь перевернется с ног на голову. Мне казалось, что я вижу дурной сон, и я не помнил, когда она вышла из кабинета.

– Уведите его! – приказал конвойному Исабей.

Меня снова бросили в камеру. Через некоторое время снаружи послышался небольшой шум. Затем открылась дверь, и в камеру бесшумно вошел человек с узелком в руке. Озираясь по сторонам, он положил узелок у двери и сразу же вышел. Со стороны казалось, что он кого-то боится. «Видимо, этот узелок прислала мне мама», – подумал я. И вправду, в узелке оказались вареные яйца, вареный картофель, пирог, а также нижнее белье и две пары носков. Первый раз в жизни я ел приготовленную мамой еду один. Всю ночь я видел во сне, что кто-то сильно бьет меня. Все тело мое ныло от боли. Мне было так плохо, что не хватало сил ни о чем думать.

В очередной раз меня подняли наверх. В коридоре я столкнулся лицом к лицу с каким-то человеком. Это был один из тех, кто приходил к нам насчет продажи дома. Я был уверен в этом на сто процентов.

На этот раз Исабей стал прикидываться добрым и душевным человеком. Мне даже принесли чай. «Из этого негодяя мог бы получиться прекрасный актер», – подумал я. Я чувствовал, что он затеял какую-то грязную игру.

– Гаянар, – наконец сказал он. – У меня за тебя болит душа. Ты слишком молод и не знаешь жизни. Когда мои сотрудники представили мне материалы дела, я был сильно удивлен. Мне не верилось, что мальчик из хорошей семьи мог встать на такой скользкий путь. – Я хотел было возразить ему, но он не дал мне раскрыть рта. – Замолчи, – приказал он. – Либо ты, прочитав дело, подпишешь документ, либо согласишься со своей матерью. Скоро она будет здесь. Несмотря на то, что это противоречит закону, я не хочу, чтобы твоя мама страдала, и постараюсь сделать все для того, чтобы и в дальнейшем вы

смогли встречаться с ней как можно чаще. Следователь поговорил с твоей мамой, и, если ты сделаешь все так, как она скажет, то скоро сможешь выйти на свободу...

Меня отвели в соседнюю комнату, где за письменным столом сидел молодой следователь. Он приказал мне сесть на стул, затем протянул папку с бумагами.

– Ознакомьтесь с вашим делом, – сказал он. – И если у вас не будет никаких возражений, поставьте свою подпись.

Прочитав две-три страницы, я не мог поверить своим глазам. Я вдруг оказался таким «опытным» и «профессиональным» вором, что даже самые отъявленные в мире негодяи и жулики нервно курили в сторонке.

– Простите, капитан, – сказал я следователю. – Но я не совершал никаких противоправных действий, все это клевета и наговор. Есть ли у вас какие-либо доказательства?

– Сначала вам назначили другого следователя, но затем это дело передали мне. Я вас не допрашивал и не составлял протокола допроса. Однако я ознакомился с вашим делом. Меня совершенно не интересует, где правда, а где ложь. Главное, не создавайте проблем ни мне, ни себе. Подпишите, и закончим, наконец, этот бессмысленный разговор.

Следователь говорил все это спокойным тоном, будто разговор шел не о судьбе невиновного студента, а о самом опасном преступнике в мире.

– Пусть меня режут на кусочки, – твердо сказал я, бросив на стол листки бумаги, – но я не подпишусь под этой клеветой.

Ничего не сказав в ответ, следователь спокойно собрал листы бумаги, привел их в порядок, а затем нажал на кнопку вызова.

– Приведите его мать, – приказал он, а затем обратился ко мне: – Ты должен непременно прислушаться к словам своей матери. В противном случае твое дело затянется надолго. Я думаю, теперь ты должен взять себя в руки и прийти к правильному решению.

Мы обнялись с мамой.

– Мама, не бойся, – прошептал я ей на ухо. – Не распинайся перед этими глупцами. Не дай им увидеть твоих слез.

– Гражданин, сядьте на место, – послышался голос следователя.

Мама, с трудом отпустив меня, осторожно села на стул.

– Я вас оставлю с сыном наедине. Поговорите с ним. Он еще молод и многого не понимает. Постарайтесь образумить его, – сказал следователь и вышел из комнаты.

– Сынок, Гаянар, – сказала мне мама. – Что же это такое? Что за беда обрушилась на нашу голову?

– Мама, не волнуйся, – стал успокаивать ее я. – Скоро я выйду отсюда, и все у нас станет по-прежнему.

– Сынок, я знаю, что эти негодяи сильно избili тебя. Пусть Аллах накажет их. Так вот, слушай меня внимательно, сынок. В данный момент время играет против нас. Тебя заманили в ловушку. Единственный выход из этой ловушки – это деньги. Мне подсказали один вариант. Чтобы вытащить тебя отсюда, мы должны продать дом и отдать все до копейки этим нечестивцам. Другого выхода у нас нет. Даже если мы найдем сотню адвокатов, даже если, стоя на коленях, будем умолять их освободить тебя, они этого не сделают. Не мучай себя, сынок, я продам дом и скоро освобожу тебя. У нас еще есть дача, и мы сможем спокойно жить там.

По правде говоря, меня сильно беспокоило состояние матери. Но я решил, пусть даже в одиночку, выйти победителем из этой неравной схватки.

– Дорогая мама, – сказал я. – Несколько дней тому назад ты мне сказала, что я уже вырос и стал мужчиной. Если ты и вправду так считаешь, то я, как единственный мужчина в семье, не позволю продавать отцовский дом, чтобы отдать деньги этим негодяям. Если ты сейчас продашь дом, они затем потребуют продать и дачу. Не иди у них на поводу, мама. Совершая противоправные действия, они не могут держать меня здесь долго. В

любом случае нам нужно найти хорошего адвоката. Я скажу им, что мама мне все разъяснила, и попрошу дать еще немного времени на раздумье. А тем временем ты найдешь мне хорошего адвоката. Мама, мы не должны опускать рук. И знай, что я никогда не признаю себя виновным, сколько бы они меня ни били.

Я видел, как страдает моя мать, и единственным ее желанием было освободить меня поскорее из этого ада. Но она хорошо знала, что я никогда ни перед кем не склоню головы. Однако гордость моя обошлась мне слишком дорого.

– Сынок, я знаю, тебе в голову лезут разные черные мысли. Пусть идет к черту все: дом, хозяйство. Мне нужен только ты. У нас нет сил противостоять им, сынок. Прошу тебя, перестань упрямиться. Давай продадим дом, не то они превратят твою жизнь в ад.

Я был молод и неопытен и не представлял, чем все это может для меня закончиться. Я верил, что в конце концов все разрешится благополучно и справедливость возторжествует. Но я жестоко ошибся.

– Мама, нам не стоит танцевать под их дудку. В конце концов, у нас правовое государство, которое не позволит растоптать демократические принципы и права человека.

После ее ухода Исабей вместе со следователем терпеливо ждали моего решения. Глаза Исабея сверкали, словно глаза гиены в кромешной тьме.

– Мама мне все рассказала, – сказал я. – И через несколько дней она снова придет навестить меня.

После этих слов Исабей с довольным видом провел рукой по своему большому животу, а затем погладил себя по рябому лицу. Настроение у него было великолепное. Следователь же, наоборот, вел себя как-то неестественно, и со стороны казалось, что это не живой человек, а робот.

– Очень хорошо, – сказал Исабей. – Мы еще на некоторое время продлим твой арест и улучшим условия содержания под стражей.

Из душной, сырой камеры, находившейся в подвальном этаже, меня перевели на первый этаж. Ближе к вечеру открылась дверь, и в помещение вошел парень примерно моего возраста. Его звали Эльман.

– Не понимаю, зачем меня сюда привезли?! – возмутился он. – Все произошло так внезапно. Я шел по городу в сторону Девичьей башни. Девушка, которая шла мне навстречу, вдруг ни с того ни с сего набросилась на меня и стала вопить во весь голос: «Помогите! Меня грабят!» Внезапно передо мной, точно из-под земли, выросли двое полицейских. Они сразу же схватили меня за руки. Девушку же стали успокаивать, мол, беденькая, она так «напугана». Я словно онемел и удивленно переводил взгляд то на полицейских, то на девушку. Не помню, как меня усадили в машину и привезли сюда.

Наши истории были очень похожи. Я узнал, что отец Эльмана дал объявление в газету «Биржа» о продаже дома. И Эльмана так же, как и меня, обвинили в краже, грозилась выгнать из института и открыть на него уголовное дело. Родителей Эльмана тут же вызвали к Исабею. Он провел с ними «содержательную» беседу и посоветовал встретиться со следователем. Несчастливым родителям пришлось быстро продать свой дом и на вырученные деньги освободить сына.

... Почти каждый день мама присылала мне еду, а также книги, чтобы я мог хоть как-то отвлечься. Я пытался читать, но, прочитав пять-десять страниц, ничего не мог запомнить и перечитывал все заново. Мысль о вопиющей несправедливости, постигшей меня, полностью выбивала меня из колеи. Я чувствовал себя тигром, загнанным в клетку.

В один из дней ко мне в очередной раз пришла мама. Я до сих пор помню ее печальное лицо и плачущий голос. Мама не знала, с чего начать. Мне даже в голову не могло прийти, что для нас с мамой настали такие черные дни.

– Сынок, – сказала она, – я встретилась с несколькими адвокатами, но все они боятся братья за это дело. Был один адвокат – еврей, но он недавно уехал в Израиль и вер-

нется только через месяц. Сынок, они дали мне еще немного времени подумать. И если я не отдам им вовремя деньги, они уничтожат тебя.

Мама, уставившись в одну точку, глубоко задумалась. Мне было очень жаль ее. Если бы у меня были брат или сестра, то, возможно, моя мать легче пережила это горе. Но я был лишен и этого счастья. «Может, – думал я, – судьба улыбнется мне, я когда-нибудь женюсь, и у меня будут дети».

– Мама, – сказал я, желая отвлечь ее от грустных мыслей. Она подняла голову и внимательно посмотрела на меня. – Дорогая мама, думаю, они не смогут повесить на меня это преступление. Правда, они будут причинять мне боль, попытаются сломить, но я все равно не стану танцевать под их дудку. В противном случае они принесут еще немало горя другим людям. Напишут «фальшивые сценарии» и отнимут у людей их имущество. Вот истинные их намерения. Что бы там ни было, мама, но я решил продолжить борьбу!

– Сынок, конечно же, ты прав, главное в жизни – быть бойцом. Но я не верю, что студент, еще не испытавший в жизни настоящих трудностей, сможет вести борьбу с системой, находясь в тюрьме. Это невозможно. Не упрячься, сынок. Если тебя посадят, я просто этого не вынесу. – Затем мама, глубоко вздохнув, вновь о чем-то задумалась. Через некоторое время она, очнувшись от своих горьких мыслей, влажными от слез глазами внимательно посмотрела мне прямо в глаза. – Почти всю свою жизнь я проработала гинекологом в больнице и помогла появиться на свет многим малышам. Бывали случаи, когда я возвращала к жизни новорожденных младенцев, которые находились на грани жизни и смерти. «Доктор, который отдает детям всю свою душу!» – так говорили обо мне коллеги и пациенты. Теперь я думаю: может, это я когда-то помогла появиться на свет таким людям, как Исабей и ему подобные. Я часто помогала малоимущим женщинам, даже собственноручно готовила для них еду. До сих пор многие мои бывшие пациентки звонят мне, интересуются моим здоровьем, поздравляют с праздниками. В чем же моя вина, сынок? Я помогла появиться на свет невинным созданиям, но, видимо, некоторые из них превратились в злобных удавов-исабеев, которые причиняют страдания и боль честным людям. Что поделаться, сынок, вместо сладкого чая судьба преподнесла мне горький напиток. Жизнь моя прошла впустую. Я скажу им свое последнее слово в следующий раз. А ты, сынок, еще хорошенько подумай. Стоит ли вести с ними дальнейшую борьбу?

Мама ушла, и я остался в комнате наедине с тишиной, прокручивая в уме, словно магнитофонную ленту, весь наш с ней разговор. Кто же, в конце концов, окажется прав? Я или она? Я оказался перед сложной дилеммой: сделать все так, как просит меня мать, или же поступить по-своему и продолжить борьбу с этими негодьями...

Погруженный в свои мысли, я не заметил, как открылась дверь. Лишь когда дверь закрылась, я увидел стоящего посреди комнаты человека. Это был худощавый мужчина лет семидесяти, с впалыми щеками. Как мне показалось, он был родом из деревни, об этом говорил весь его внешний вид. Стоя посреди комнаты, он рассеянно глядел на меня.

– Садитесь, дядя, – предложил я ему сесть. Некоторое время мы оба молчали. – В чем вас обвиняют, дядя? – наконец спросил я его.

– Не знаю, сынок, не знаю... Но целых три дня меня продержали в подвале, в камере, – сказал он дрожащим голосом. – Я старый, больной человек, там было так душно, что нечем было дышать. Они меня оговорили... Недавно я хотел немного обновить и расширить свой двор. За два дня до этого я заметил во дворе своего дома полицейских. Один из них подошел ко мне и закричал:

– Эй, ты, говори, где спрятал оружие?!

– Сынок, – сказал я ему растерянно. – О каком оружии ты говоришь? Где – я, где – оружие...

Тогда полицейские схватили меня и потащили во двор.

– Немедленно говори, куда спрятал оружие? – повторяли они снова и снова.

Вдруг один из них, стоя возле колодца, закричал:

– Быстро тащи его сюда!

Меня поволокли к колодцу. В пяти шагах от него они вырыли яму и вытащили оттуда сверток, завернутый в целлофан.

– Что это? С каких пор ты продаешь оружие?! – стали допрашивать они меня.

Я не мог произнести ни слова, у меня словно отнялся язык. Наконец они открыли сверток. Когда я увидел там оружие, меня словно пригвоздили к земле. На шум выбежали домашние, не понимая, что происходит. Когда полицейские стали тащить меня к машине, родные стали кричать и звать на помощь. Но никто из соседей не вышел. Сунув меня в машину, они привезли меня сюда. Сынок, ты не смотри на мой вид. Я человек грамотный, и у меня есть определенный опыт. Я на все сто процентов уверен в том, что все это было подстроено специально. Клянусь своими детьми, я к этому не причастен. Их главный, подполковник Исабей, выдвинул против меня ложные обвинения. Другой следователь, якобы из жалости, посоветовал мне достать деньги, чтобы дело закрыли. Откуда они узнали, что я продаю дом за 30 тысяч долларов? Ведь даже мои родственники не знали о том, за сколько я продаю дом. Видимо, они узнали об этом из объявления, которое я дал в газету «Биржа». Их условия таковы: 30 тысяч долларов, и я на свободе. Мне ничего не остается делать, как согласиться на их условия. Ведь другого выхода у меня нет. Знаю, что если откажусь от сделки, они посадят меня в тюрьму, и я там умру. Пусть все горит синим пламенем! У меня есть небольшой участок земли, и я построю для своей семьи небольшой домик в одну-две комнаты. Рано или поздно Аллах накажет их!

Моего брата по несчастью звали Сейди. Он стал расспрашивать меня, как я здесь оказался и за что меня посадили. Услышав мой рассказ, он глубоко задумался.

– И что ты собираешься делать, сынок? – спросил он.

– Не знаю, но я буду бороться до конца. Попав сюда, я быстро повзрослел. Со мной произошло то же самое, что я видел когда-то во многих детективных фильмах и сериалах. Хотя мама просит меня согласиться с ними, я этого не сделаю...

Я чувствовал, что к моей пафосной речи он отнесся скептически. И мне даже показалось, что он улыбнулся в усы. Видимо, подумал, что я все еще желторотый птенец.

– Сынок, ты еще молод. Прежде подумай о себе и своей матери. Она плохого не посоветует. Послушай, что она тебе говорит, и тогда ты спасешь себя и избавишь ее от горя. Настанет день, и эти негодяи заплатят за все свои преступления.

– Сейди киши, вы советуете мне подчиниться им. Но почему я должен продавать свой дом и имущество? Я им ничего не должен. – Я замолчал, а затем прошептал ему на ухо: – Знаете, здесь орудует организованная преступная группировка. Ее руководителем является подполковник Исабей. Они отслеживают объявления в газете «Биржа», а затем обдывают свои черные делишки. Кто знает, сколько безвинных людей они заманили в свою ловушку? Теперь вы видите, что я уже не ребенок и много чего понимаю.

Наконец настал день, и Сейди киши, попросившись со мной, покинул здание, где «отдыхал» почти целую неделю.

– Сынок, послушай свою мать, – сказал он мне перед уходом. – Не делай себя несчастным...

В один из дней я в очередной раз встретился с мамой. Она рассказала мне, что они нагло требовали у нее деньги. О какой сумме шла речь, мама мне так и не сказала. Она снова стала просить меня разрешить продать дом, чтобы покончить с этим положением. Вселился ли в меня бес или же я сам этого хотел, не знаю, но сегодня я должен был прийти к окончательному решению. В конце концов я сообщил матери о своем решении продолжить борьбу, тем самым окончательно разрушив свою жизнь.

– Нет!!! Нет, мама, дом мы продавать не будем. Плюнь им в лицо и больше сюда не приходи. Я это делаю не только ради себя, я жертвую собой ради других, невинно

осужденных людей. Видимо, такая у меня судьба...

Мама сильно побледнела.

– Ты уничтожил свою жизнь, а заодно и мою, – сдавленным голосом сказала она. – Пусть Аллах поскорее заберет меня на небеса! Что теперь будет с тобой, сынок?!

Голос матери звучал так, словно исходил из глубокого колодца. Затем мама вдруг обняла меня и, еле сдерживая слезы, стала гладить по голове. Я не помнил, сколько времени это продолжалось... Глядя на меня, она спиной попятилась к двери. Задержавшись на некоторое время, она вдруг разрыдалась, а затем вышла вон.

Меня привели в кабинет Исабея. Мама тоже находилась там, но уже не плакала. Ее лицо теперь ничего не выражало: ни грусти, ни печали. Она запомнила мои слова и не склонила головы перед этими подонками.

– Почему ты не соглашаешься с мамой? Ты даже не представляешь, что тебя ждет! Ты молод, не губи себя... – стал угрожать мне Исабей.

– Замолчите! – прервал его я. – Хотите вы того или нет, но я буду говорить! Не смейте жалеть мою маму! Вы заставили страдать немало матерей, но придет день, когда ваши родители также будут лить слезы и проклинать небеса. Вас интересуют только деньги. В газете «Биржа» вы выискиваете людей, которые продают свое имущество, и, обвинив их в преступлениях, которых они не совершали, заставляете отдать вам полученные от продажи деньги! Я говорю это не просто так. Вы заманили в ловушку студента Эльмана, старика Сейди, меня и многих других, чтобы отнять у них имущество, нажитое честным трудом. Вы, Исабей, лично приходили к нам. Я также знаю некоторых из тех, кто приходил вместе с вами. Вы лично поручили своим людям следить за мной: куда я хожу, что делаю. Зачем вам столько денег?! Как вы можете есть хлеб, заработанный нечестным путем?! Обо всем этом я расскажу на суде. Даже если вы убьете меня, разрежете на куски, все равно люди узнают об этом...

Я замолчал. На мой голос сбегались холуи Исабея и с вытаращенными от удивления глазами уставились на меня. Они были сильно перепуганы и ждали, что скажет Исабей. Запрокинув голову, он стал разглядывать потолок, а затем тихим голосом сказал:

– Bravo! Какое красноречивое выступление! На суде все расскажешь со всеми подробностями. Уведите его!

Мама хотела подойти и обнять меня, но ей преградили дорогу.

– Желаю вашим родителям испытать то же самое, что и мне! – бросила она перед уходом. – Негодяи! Вы не мужчины! Будьте вы прокляты!

Меня вновь бросили в грязный подвал с обшарпанными стенами, с плесенью и паутиной в углах. Временами меня приводили к следователю и требовали подписать протокол. Но каждый раз я устраивал шум, настойчиво отказываясь подписать его. Не добившись от меня «признания», они стали применять старый, но действенный метод – метод избиения. Двое в черных масках и перчатках «аккуратно» били меня, не трогая только лицо. Когда я падал, теряя сознание, они поднимали меня и вновь продолжали бить. Чем больше они били меня, тем сильнее и выносливее я становился. Но все же это были адские мучения.

Я очень хотел увидеть их лица, чтобы запомнить их навсегда. И однажды мне представилась такая возможность.

...И снова я в кабинете с ручкой в руке, и они, стоя напротив меня, ждут, когда я подпишу составленный ими протокол. Они требуют и требуют, чтобы я подписал бумагу. И я, предварительно выругавшись, вновь отказываюсь подчиниться им. К тому же, я так сильно ударил одного из них, что он, застонав, повалился на пол.

– Ну что, негодяй, получил удовольствие?! – закричал я. – А я вот каждый день получаю от тебя бесчисленные пинки и удары!

– Мама, умираю! – кричал тот от боли, извиваясь на полу, словно змея. Наконец

один из полицейских помог ему подняться, взял его за подмышки, подтащил к стене и снял маску. Это был один из тех полицейских, которые схватили меня на улице.

... Теперь я знал, что они этого так не оставят. Два дня они не давали мне пить, морили голодом, и я был полностью обессилен.

Наконец открылась дверь, и в камеру вошел не известный мне сержант полиции с бумажным пакетом в руке. Видя мое беспомощное состояние, он помог мне сесть, затем вынул из пакета бутылку с водой и протянул ее мне. Я отпил несколько глотков, и мне стало немного легче. Накормив меня куском торта, он вынул из кармана грушу и протянул ее мне. Пока я ел грушу, он то и дело со страхом поглядывал на дверь.

– Я сам принес тебе еду, но никто об этом не должен знать, – предупредил он меня.

Мне словно привиделся странный сон. Полицейский обращался со мной ласково, как с человеком.

– Скажите, как я могу отблагодарить вас? – спросил я его.

– Мне ничего не нужно, – сказал он. – Но знай, что они доведут это дело до конца.

Тебе надо было согласиться с ними...

– Как там дела? – услышался голос из рации, которую сержант держал в руке.

– Я дал ему немного воды. Он лежит на кровати и не может встать.

– Быстро уходи оттуда.

– Хорошо.

... Впоследствии я узнал, что сержант учился в Полицейской академии на заочном отделении. Я не верил, что среди полицейских встречаются такие люди, как он, честные и неподкупные. Но он был именно таким. Его звали Хикмет. Он родился в деревне, в небогатой и работающей семье. Отец его еще во времена советской власти был директором фермы, но председатель колхоза, завидуя его достижениям и растущему авторитету среди людей, с помощью прокурора посадил его за решетку на восемь лет. Правда, перед тюрьмой отец Хикмета успел дать председателю увесистую пощёчину. Но что было, то прошло. Через четыре года его все же оправдали, и он возвратился в почти пустой, разграбленный дом. Все его имущество было полностью конфисковано по статье «Хищение государственного имущества».

Хикмет был порядочным и преданным своему делу человеком. Может, он и стал бы таким же негодяем, как Исабей, если бы не испытал в жизни столько трудностей.

... Муки, которые причиняли мне эти безбожники, никак не заканчивались.

Однажды Исабей собственноручно стал избивать меня. Чтобы я не мог сопротивляться, двое его подчиненных крепко держали меня за руки, и удары сыпались один за другим. Но все-таки мне удалось плюнуть кровавой слюной ему прямо в лицо.

– Ах ты, щенок, я тебе покажу, как плевать в лицо! – озверел он и со всей силы ударил меня ногой в пах.

Еще некоторое время его люди продолжали бить меня, затем, еле живого, куда-то потащили. В глазах у меня потемнело, и я потерял сознание...

Очнувшись я только в больнице. Увидев медсестру, стоящую у моей койки, и иглу, вонзенную в руку, я удивился. Хотел было подняться, но медсестра мне не разрешила.

– Нельзя! – сказала она, стараясь меня успокоить. – После операции вам нельзя двигаться.

У меня перед глазами стоял туман. Меня постоянно тошнило, изо рта шла зеленая пена. Я с трудом мог говорить и отвечать на вопросы.

– Это у вас от наркоза, – пояснила медсестра. – Не бойтесь, это все временно.

Боли в животе не давали мне спокойно дышать. Своим ударом между ног этот подонок навсегда лишил меня возможности иметь детей. Об этом позже мне рассказала медсестра.

Через два-три дня ко мне в палату вошел следователь.

– Подсудимый Сардаров, – сказал он мне. – Подпишите протокол допроса. Я должен приобщить его к делу.

В тот момент я думал только о мести. Во что бы то ни стало я должен был расквитаться с Исабеем и его холуями. И даже смерть не помешает мне сделать это. Рано или поздно я сотру эту свору с лица земли...

Я пробежал глазами полицейский протокол, подписался под ним и, протянув бумагу следователю, спросил:

– Если у вас осталось хоть немного совести, скажите, правы ли те, кто оболгал меня и обвинил в том, чего я не делал?

– Э-э-э, ничего не знаю, – ответил он, надвинув фуражку на лоб. – Мне приказали, вот я и пришёл...

– А если они прикажут вам снять брюки, вы это тоже сделаете?.. Негодяй!

Не глядя на меня, следователь медленным шагом вышел из палаты.

...Иногда ко мне в палату пропускали мать. Она не могла сдерживать слез, ведь у нее украли счастье быть счастливой матерью и бабушкой. Теперь она думала только о моем выздоровлении. Мама рассказала, что была на приеме у Исабея. Он сказал ей, что со мной произошел несчастный случай. Будто я, встав на спинку железной кровати, хотел было выглянуть в окно, но нога вдруг соскользнула, я упал прямо на спинку кровати и повредил тем самым нежное место.

... В зале, где проходило судебное заседание, было очень холодно. Я сильно мерз, испытывая при этом невыносимую боль в животе. На суде также присутствовала моя мама. Меня признали виновным и приговорили к восьми годам лишения свободы. Мне было так больно, что я был не в состоянии сказать свое последнее слово. Когда зачитывали приговор, я с трудом стоял на ногах. Тогда слова попросила моя мать.

– Уважаемый судья! – начала она твердым голосом. – Из материалов дела вы знаете, к какой уважаемой семье принадлежит мой сын. Пусть мои слова услышат те, кто незаконно обвинил его в преступлении, которое он не совершал, а также те, кто жестоко издевался над ним. Представьте себе, что вы идете по пустыне, по раскаленному песку с мешком, полным драгоценных камней. Эти драгоценности смогут обеспечить на всю жизнь не только всю вашу семью, но и будущие поколения. Однако у вас неожиданно закончилась вода. Теперь скажите, помогут ли вам драгоценности избежать смерти от обезвоживания? Нет... И через некоторое время вы погибнете... Так вот, есть люди, которые, даже не ударив палец о палец, хотят быстро разбогатеть, присвоив себе чужое, приобретенное честным трудом добро. К сожалению, эти люди и сейчас ходят по той же раскаленной солнцем пустыне. Еще немного, и у них тоже закончится вода. И если я когда-нибудь прощу тех негодяев, которые оклеветали моего сына, то Аллах их точно не простит. Я поручаю их Богу.

... Через два месяца меня привели к начальнику тюрьмы. Он сообщил мне, что являлся другом моего покойного отца. По выражению его лица было видно, что он сильно сожалеет о том, что я оказался в тюрьме.

– Я назначаю тебя заведующим тюремной библиотекой. В библиотеке есть комната, где ты сможешь спокойно отдыхать. Прошу тебя, подумай о маме, старайся ни с кем не связываться. Если тебе что-нибудь будет нужно, обращайся прямо ко мне.

Он сдержал свое слово и постоянно обо мне заботился. Мама часто навещала меня в тюрьме и даже временами оставалась на несколько дней в специально отведенной для встречи с родственниками комнате. Физически я был почти здоров, но морально был полностью раздавлен. В душе моей росли жажда мести и ненависть к моим мучителям.

Прошло два года. Сотрудники тюрьмы относились ко мне с уважением, зная, что меня опекает сам начальник тюрьмы. Чтобы как-то убить время, я стал заниматься спортом. Среди заключенных было немало спортсменов, и они даже посоветовали мне после

выхода на свободу серьезно заняться спортом. «Даже если в будущем ты не сможешь принимать участие в соревнованиях, – говорили они, – то, по крайней мере, сможешь стать отличным тренером». Но первым делом, выйдя из тюрьмы, я должен был рассчитаться с моими врагами. Я непременно должен был отомстить им...

Через некоторое время друг моего отца, начальник тюрьмы, получил высокую должность в министерстве. Он поручил меня новому начальнику тюрьмы и пообещал поскорее добиться моего освобождения. Если бы не мысли о мести, мне было бы все равно, где находиться – в тюрьме или на воле. Ведь простое человеческое счастье было для меня теперь недоступно. В тюрьме, где заключенные объединялись в различные группировки, я примкнул к группе, которая играла в карты на деньги. Будучи невезучим на воле, я стал удачливым игроком в тюрьме. Среди нас находился парень по имени Гаджар, который имел среди заключенных определенный авторитет. Как я слышал, он попал в тюрьму за драку. Он открыто выражал мне свою неприязнь. И хотя его поведение злило меня, я старался не связываться с ним. Я не знал, почему Гаджар так ко мне относится, но предполагал, что он завидует моему авторитету среди персонала и заключенных.

Однажды Гаджар предложил мне сыграть с ним на деньги. Сначала я хотел было отказаться, но затем решил принять его предложение, чтобы никто не подумал, что я чего-то испугался. Ночью, после отбоя, мы встретились в библиотеке. По договоренности мы должны были играть друг с другом без свидетелей. Мы играли почти до утра. Удача отвернулась от него, и он проиграл все до копейки. Неожиданно он спросил, есть ли у меня сестра. Я ответил, что являюсь единственным ребенком в семье, и поинтересовался, зачем он об этом спрашивает. И тут он предложил поставить на кон свою сестру. Разгневавшись не на шутку, я хотел было переломать ему кости. Но, еле сдержавшись, с трудом взял себя в руки и решил продолжить игру. Мы договорились, что если проиграет он, то, как только выйдет из тюрьмы, собственноручно приведет ко мне свою сестру, если же проиграю я, то перепишу на него дом в Шувелане со всем имуществом. Как и следовало ожидать, он проиграл мне и сестру. Уходил он в расстроенных чувствах, видимо, искренне сожалел о содеянном. Но слово есть слово, и он должен был сдержать его.

Через четыре года преступная группа, упрятавшая меня в тюрьму, была разоблачена. Об этом рассказал мне друг отца, бывший начальник тюрьмы. Наконец-то меня освободили и я вернулся домой. Радости моей мамы не было предела. Первым делом мы с ней посетили могилу отца, и я в очередной раз дал клятву отомстить своим врагам.

В один из дней я нашел Хикмета, который был так добр ко мне. Сначала он не узнал меня, и я напомнил ему о себе.

– Чем я могу помочь тебе? – спросил он меня. Я попросил его дать мне адрес Исабея и его подчиненных. – А зачем они тебе нужны?

– Просто так. Хочу встретиться с ними, чтобы поздороваться.

– Возьмись за ум, а не то вновь окажешься за решеткой, – сказал он, раскусив мой замысел. – Что было, то прошло. Выкинь из головы глупости и начни новую жизнь.

Я промолчал, ведь не мог же я рассказать ему о том, что они сотворили со мной.

Хикмет – теперь он имел звание капитана, словно прочитав мои мысли, сказал:

– Главарь этой преступной группы недавно пытался сбежать за границу. Когда он пересекал границу с Грузией, его машина потеряла управление. В результате тяжелой аварии погибли сам Исабей, его жена и дочь. Старший сын Исабея, который не сегодня-завтра должен был закончить школу, остался калекой. После длительного лечения врачи сказали, что он больше не сможет ни ходить, ни говорить и до конца своих дней будет прикован к постели.

По правде говоря, я не поверил капитану. Думал, может, он хочет заставить меня отказаться от своих намерений. Я уверил Хикмета, что просто хочу навестить больного сына Исабея, и пообещал ему не совершать никаких глупостей. И если он мне не верит,

то может даже приставить ко мне полицейского.

Хикмет сказал правду. На кровати лежал не реагирующий ни на что молодой человек и глядел в одну точку на потолке. Возле него сидел пожилой мужчина, видимо, отец Исабея. Я представился другом его сына и сказал, что пришел выразить ему соболезнование. Пожилой мужчина поблагодарил меня.

– Мой сын погиб, попав в автомобильную аварию, и у меня на руках остался мой несчастный внук, – сказал он. – Не сегодня-завтра я попрощаюсь с этим бранным миром, и что тогда будет с моим внуком? У меня есть дочь, но и у нее тоже двое детей, калеки от рождения. После смерти сына вскоре умерла моя жена. Остался я один среди всего этого добра... Что будет в конце, я не знаю. Кто будет присматривать за моим несчастным внуком после моей смерти?

Старик заплакал...

Вдруг мне на глаза попала висевшая на стене фотография Исабея. На фотографии он выглядел также фальшиво, как и в жизни. Я мгновенно сорвал со стены его фотографию, а затем высказал его отцу все, что накопилось у меня в душе.

– Вы плохо воспитали своего сына! – бросил я ему в лицо.

– Не говори так, сынок!

– Не называйте меня сыном, не то мой отец перевернется в гробу. Ваш сын причинил людям немало зла. Если бы это было не так, то вам не пришлось бы испытать столько горя. Вы не интересовались, откуда у вашего сына столько недвижимости, денег и антикварных вещей?!

– Нет, я жил отдельно.

– Но это обстоятельство ничуть не умаляет вашей вины. В любом случае, вы же приходили к сыну в дом, видели, в какой роскоши он купается. Я не верю, что вы не знали о делишках вашего сына. Не верю, чтобы родственники тех, кого оклеветал ваш сын, не обращались к вам с просьбой помочь им. Ваш сынок принес горе многим семьям, отобрав у них их дома и имущество. А некоторых из них он обобрал до последней нитки, оставив без единого куска хлеба. Я – один из них. Он лишил меня будущего. В чем была моя вина, я не знаю. Он отнял у меня все: мои студенческие годы, возможность иметь в будущем детей, мою любимую маму. Вот вы сейчас страдаете и оплакиваете своего сына. А кто будет оплакивать мою судьбу?.. Ему досталась слишком легкая смерть. Я должен был собственноручно расправиться с ним прямо на глазах у его семьи. Он «награжден», но не так, как хотел этого я, тьфу!

Я бросил портрет Исабея на пол и стал топтать его. Сопровождающий меня полицейский схватил меня за руку и потащил к входной двери. Обернувшись, я увидел, как старик плакал, обхватив голову обеими руками...

По ночам мама тихонько плакала, и я знал, почему. Она оплакивала мою несчастную судьбу. Но чтобы как-то вернуть меня к нормальной жизни, она заставляла себя улыбаться. Все мои мечты о счастливой жизни были полностью разрушены. Как и все нормальные люди, я мечтал создать семью, мечтал стать хорошим отцом и мужем. Но всему этому не суждено было сбыться.

Через три недели после моего освобождения умерла моя мать. Ее смерть сильно подкосила меня. Прошло 40 дней после ее смерти, и я послал Гаджару записку, напоминающую о его обещании. На следующий день он привел ко мне сестру. Он выглядел сильно расстроенным, в глазах его стояли слезы. Мне захотелось закричать, чтобы он убирался прочь, прихватив с собой заодно и сестру. Но вдруг мне на глаза попался висевший на стене портрет родителей. Его написал известный художник, когда я еще учился в школе. На нем они выглядели словно живые. Затем мне послышались их голоса, они поздравляли меня. И тогда я передумал...

...Когда Гаянар вернулся домой, меня там не было. Я пришла немного позже. Он был сильно взбешен, кровь ударила ему в голову. Не сумев обуздать свой гнев, он сильно избил меня. Затем, стоя на коленях перед портретом своих родителей, он стал разговаривать с ними, как с живыми людьми. Но потом произошло самое страшное...

Рассказывая нам эту историю, Тути Бики выглядела такой усталой и измученной, словно тащила в гору огромный камень. Ей было нелегко рассказывать об этом. Бедная моя мама плакала, взволнованно сжимая руки.

– Хватит, дочка, перестань! – вдруг прервала она Тути Бики. – Мне больно слышать все это. Порою Бог посылает нам столько испытаний, сколько мы не в состоянии вынести. Когда ты в тяжелом состоянии попала в больницу, мой сын Азер не узнал тебя. Он вытащил тебя буквально с того света и не отходил от тебя ни днем, ни ночью. Последние два года я почти не видела улыбки на его лице, и это пугало меня. Когда я спрашивала его о причине его грусти, он находил всяческие отговорки, чтобы как-то успокоить меня. Теперь мне все стало ясно. Не каждый человек способен понять и оценить настоящую любовь. Ведь в мире нет университета по изучению любви. И только тот, кто по-настоящему любит, может ценить и оберегать ее...

В тот день я словно заново открыл для себя свою мать. Мне даже в голову не могло прийти, что она так глубоко понимает и ценит жизнь. Ее мировоззрение выходило далеко за пределы кухни, где она готовила для семьи еду.

По дороге домой мама не сказала мне ни слова. Она была все еще под впечатлением от рассказа Тути Бики.

Вечером, после ужина, мы пили чай, и мама со всеми подробностями стала рассказывать отцу о том, что произошло с Тути Бики. Я хотел было выйти из комнаты, но отец жестом остановил меня. Слушая ее внимательно, отец отпил глоток чая из стакана-армуды, затем поставил стакан обратно на блюдечко и стал вертеть из стороны в сторону. Лицо его было напряжено до предела. Я стоял, не смея поднять на него глаза. Теперь вся моя дальнейшая судьба зависела от его решения. Закончив свой грустный рассказ, мама облегченно вздохнула, словно сняла тяжелый груз со своей души.

– Очень тяжелая история, – произнес задумчиво отец. – Удивительно, что девушка вообще осталась жива. На небе ее спас Аллах, а на земле люди, которые не прошли мимо ее беды. И еще ее спас... – На этом месте он замолчал и тут же сменил тему: – Да, а теперь расскажи мне о родителях девушки.

– Ее мать зовут Наргиз, она родом из Шуши, из очень уважаемого рода. А отец Тути Бики был известным художником. Его звали Юсиф Хаджахмедоглу.

– Нет, этого не может быть! – вдруг воскликнул отец.

Услышав восклицание мужа, мама растерялась.

– Ай, киши, что случилось?

В тот момент я не понимал, что скрывается за словами отца. Я знал, что на все у него был только один ответ: либо «да», либо «нет». Я просил Бога, чтобы он сжалился надо мной, и судьба наконец-то улыбнулась мне.

– Айсима, я давно хотел собрать всю нашу семью за одним столом и рассказать вам о Юсифе. На самом деле Юсиф Хаджахмедоглу – мой дальний родственник. Мы оба родом из одного селения. Селение Хызы, где я родился и вырос, когда-то славилось двумя известными родами. И часто юноши из одного рода женились на девушках из другого рода. Но вот уже несколько лет они не общаются друг с другом. Дело в том, что парень из нашего рода сбегал с обрученной девушкой из рода Юсифа. Девушку насильно хотели выдать замуж за нелюбимого, и поэтому влюбленные вынуждены были сбежать из дома. Конечно, аксакалы, договорившись между собой, предотвратили вражду между семьями. Но с того дня отношения между ними испортились. И сейчас мне представился случай примирить обе семьи. Вот что я хотел сообщить вам, мои дорогие. Теперь душа Юсифа

возрадуется на небесах. Да благословит нас Аллах!

Мама тут же бросилась мне на шею и крепко обняла, затем ко мне подошел отец. Он также обнял меня и прижал к своей груди. Меня всего знобило. Почувствовав это, отец поцеловал меня в лоб. В глазах его стояли слезы.

– А теперь, сынок, позвони по телефону своей возлюбленной и обрадуй ее.

Выходя из комнаты, я невольно услышал слова матери.

– Киши, Аллах будет доволен тобой...

Трубку взяла Наргиз ханым. Я поздоровался с ней, поинтересовался состоянием ее здоровья и попросил передать трубку Тути Бикия.

Услышав ее голос по телефону, я торжественно сказал:

– Тути Бикия ханым, позвольте мне вас поздравить!

Немного помолчав, она серьезным тоном спросила:

– С чем поздравить?

– Из достоверных источников мы узнали, что один парень по имени Азер получил согласие отца на брак с девушкой по имени Тути Бикия, и в ближайшие дни состоится церемония их обручения...

– Азер! Азер, это правда?..

Тути Бикия вдруг зарыдала, а затем повесила трубку.

Через некоторое время зазвонил телефон.

– Да, – ответил я, взяв трубку.

– Азер, сынок, говорит тетя Наргиз, – в ее голосе звучали нотки страха. – Сынок, что ты сказал Тути, не знаю, но она, уткнувшись в подушку, горько плачет.

Я растерялся и тут же протянул трубку маме. Сначала она было нахмурила брови, но затем, внимательно выслушав Наргиз ханым, громко рассмеялась.

– Этот ребенок совсем потерял себя. Отец сказал ему, чтобы он позвонил Тути Бикия и обрадовал ее. От радости он, видимо, растерялся и не смог ей все толком объяснить. Готовьтесь, Наргиз ханым! В ближайшие дни состоится обручение наших детей. Поздравляю! Пусть наши дети будут счастливы!..

После разговора по телефону мать тут же напала на меня.

– Эй, что ты сказал девушке, что она так сильно рыдает?!...

– Клянусь Богом! Я сказал ей, что отец дал согласие на наш брак, и поздравил ее со знаменательным событием. Я и сам от счастья чуть было не расплакался. Не веришь, спроси ее при встрече...

– Знаю я тебя... Ты думаешь, не спрошу? Обязательно спрошу...

В понедельник утром я купил букет свежих роз и отправился к Тути Бикия в гости. Подходя к ее дому, я невольно взглянул вверх. Она стояла перед открытым окном, ветер трепал ее прекрасные волосы. Да, это была моя прекрасная возлюбленная Тути Бикия.

Дверь открыла Наргиз ханым. Она тут же обняла меня и поцеловала.

– Поздравляю вас, сынок! Как хорошо, что я дожидая до этого дня. Дай Бог вам счастья! Пусть Аллах оберегает вас от всего плохого!.. Куда же запропастилась эта девчонка?! Тути, пришел Азер, – крикнула она дочери.

В комнату вошла Тути Бикия. Наргиз ханым крепко поцеловала дочь, а затем вышла из комнаты, оставив нас с ней вдвоем.

Я вручил ей розы, и она обняла меня за шею. Украдкой утирая навернувшиеся на глаза слезы, я сказал:

– Тути, с этого дня ты больше не будешь плакать и страдать. Чтобы я больше не видел слез в твоих прекрасных глазах, хорошо?

Она кивнула в знак согласия.

Когда мы выпили чай, я попросил Наргиз ханым отпустить со мной Тути Бикия на прогулку. Она разрешила, и Тути вышла в другую комнату, чтобы переодеться.

– Я готова, – сказала она, вернувшись через несколько минут. Заметив мой внимательный взгляд, она стала поправлять платье, затем, пожав плечами, вопросительно посмотрела на меня.

– Тути, когда ты наденешь то платье, которое я привез из Турции? – спросил я ее. Она улыбнулась.

– Мама, ты разрешишь мне надеть платье, которое подарил мне Азер?

– Доченька, если он этого хочет, ты можешь надеть его.

Через несколько минут Тути вышла к нам в платье светло-розового цвета, которое ей очень шло.

... Гуляя с Тути Бикия по бульвару, мы дошли до места, где собирались пенсионеры, чтобы пообщаться и поиграть в шахматы и шашки. Среди них находился и тот пожилой мужчина, с которым я познакомился в метро. Мы подошли к нему и поздоровались. Не понимая, что происходит, он уставился на нас вопросительным взглядом.

– Дядя, вы нас не помните? – спросил я его.

Мужчина почесал затылок и задумался. Затем, внимательно посмотрев на Тути Бикия, вдруг воскликнул:

– Да, да, помню! Это та девушка, которую я часто встречал в метро. Она очень красивая, к тому же еще и умная. Но вот уже долгое время я не вижу ее. Видимо, она уже давно не ездит в метро.

– Да, вы правы. А я тот самый парень, которому вы дали ценный совет, и я им воспользовался.

– Да, я вспомнил тебя, сынок... Помню, как ты уронил на пол газету, а девушка подняла ее и отдала тебе. Извините, что я не вспомнил вас сразу. Память у меня уже не та, что прежде. Старость – не радость. Рано или поздно она приходит к тебе, хочешь ты этого или нет. Иногда в жизни людей происходят неожиданные и удивительные события, вследствие которых закладывается основа для какого-либо крепкого фундамента. Видишь ли, если бы ты не уронил газету, а она не подняла ее, то вряд ли вы сейчас гуляли бы вместе, взявшись за руки. Я очень рад, что вижу вас счастливыми и довольными. Между нами говоря, вы очень подходите друг другу. Желаю вам всего самого наилучшего! Но почему вы не пригласили меня на свадьбу? Ведь я тоже, так сказать, имею к этому некоторое отношение.

– Дядя, свадьба еще впереди.

– Прекрасно! Видите их, – указал он на своих друзей. – Все они не простые люди. Многие из них имеют ученые степени и звания. Я приду к вам на свадьбу, нацепив на себя все свои ордена и медали, заодно прихвачу с собой парочку этих героев, и мы будем по полной отжигать на свадьбе.

– Мы будем рады видеть вас на нашей свадьбе. Будьте здоровы! До свидания!

– Прощайте, детки. Не забывайте меня!..

Наконец был назначен день свадьбы. Мы решили подарить дом, который достался Тути Бикия в наследство от мужа, Мардану киши, который жил там в пристройке вместе со своей большой семьей.

Вечером мы отправились в гости к Мардану киши, чтобы сообщить ему радостную новость. Вся его семья находилась дома. Мы сидели за столом, пили чай с тортом, который купили по дороге, и дружно беседовали. Услышав о нашей свадьбе, Мардан киши очень обрадовался, но ничего не сказал о доме, чтобы не ранить чувства Тути Бикия ...

– Мардан киши, – наконец сказала она. – Вы сделали мне немало добра. Если бы не вы, я вряд ли сейчас сидела здесь с вами и разговаривала. Прошу вас, принесите мне ключи от этого дома.

Он сразу же принес ключи и положил их на стол.

– Тути Бикия, дочка, я заменил старые ключи на новые, чтобы никто из посторон-

них не смог проникнуть в дом.

– Вы сделали все правильно, Мардан киши. А теперь скажите, почему вы не жените своих сыновей?

– Ей-богу, не знаю, что и сказать. Когда-то квартиры раздавали людям бесплатно. Но теперь настали другие времена... Вы не думайте, мои дети – не бездельники, они много работают и все до копейки отдают матери. Может быть, мы в скором времени даже сможем купить одному из сыновей квартиру... Посмотрим, как получится. Бог поможет!

– Мардан киши, у вас хорошая семья и очень воспитанные дети. Теперь поговорим о доме, записанном на мое имя. Я больше никогда не вернусь в этот дом. Мы с Азером посоветовались и решили подарить его вам вместе со всеми вещами. Эти ключи теперь ваши. Делайте с ним, что хотите.

Вся семья словно окаменела на месте. Они молчали, ошеломленно переглядываясь друг с другом.

– Дочка, – первым нарушил тишину Мардан киши. – Спасибо тебе, конечно, за это предложение. Но, может, этот дом вам самим еще пригодится. Подумайте хорошенько...

– Дядя Мардан, я не стала бы жить в этом доме, даже если бы он был построен из чистого золота...

Затем Тути Бикия взяла со стола ключи и протянула ему. От волнения у него задрожали губы. Увидев решительность на лице Тути Бикия, Мардан киши все же взял ключи.

– Я даже не знаю, что и сказать. Благодарю вас от всей нашей семьи и желаю вам огромного счастья! – сказал он, обведя взглядом всех членов своей дружной семьи. Лица их сияли от счастья.

– Мардан киши, у меня к вам есть небольшая просьба, а точнее, две. На стене в гостиной висят портреты мужчины и женщины. Эти портреты были написаны моим отцом. Пожалуйста, отнесите их в Музей искусств, где отдельно представлены работы моего отца. Пусть повесят их там. А теперь моя вторая просьба. Пожалуйста, возьмите деньги из ящика письменного стола, что стоит в кабинете, и отдайте их в детский дом.

... Из Турции на свадьбу к нам приехали мои друзья и некоторые педагоги.

... Фарид и все мои друзья вместе с семьями танцевали и веселились до упаду.

... Отец, глядя на воссоединение обеих семей, испытывал чувство гордости.

... Все вокруг также были очарованы танцем пожилого мужчины и его друзей.

На свадьбе я вынул из кармана бумагу и ручку, протянул их Тути Бикия и прошептал ей на ухо:

– Пожалуйста, допиши до конца...

Сначала она ничего не понимала и удивленно глядела на меня. Я кивнул ей, давая понять, чтобы она прочитала записку. Наконец она взяла записку и стала читать ее вслух. «Спасибо тебе за все, доктор! Жаль, что ты уезжаешь. Мне еще так много нужно сказать тебе. Надеюсь, что мы еще встретимся. Когда вернешься в Баку, пожалуйста, найди меня. Целую руки, которые вернули меня к жизни. Мое имя...»

Прочитав записку, она прослезилась. Лицо ее зарумянилось. В этот момент я попросил фотографа сфотографировать нас. Среди множества фотографий родственников и друзей этот снимок когда-нибудь займет свое особое место.

«ТУТИ БИКЯ», дописала она.